

На правах рукописи

ТИВЬЯЕВА Ирина Владимировна

**КОГНИТИВНО-КОММУНИКАТИВНАЯ КОНЦЕПЦИЯ
МНЕМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

Специальность 10.02.19 – теория языка

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Москва – 2018

Работа выполнена на кафедре языкознания и переводоведения Института иностранных языков Государственного автономного образовательного учреждения высшего образования города Москвы «Московский городской педагогический университет»

Научный консультант: доктор филологических наук, профессор
Сулейманова Ольга Аркадьевна

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор,
профессор с возложенными обязанностями
заведующего кафедрой английской филологии и
лингвокультурологии ФГБОУ ВО «Санкт-
Петербургский государственный университет»
Хомякова Елизавета Георгиевна

доктор филологических наук, доцент,
заведующий кафедрой прикладной лингвистики и
новых информационных технологий ФГБОУ ВО
«Кубанский государственный университет»
Хутыз Ирина Павловна

доктор филологических наук, доцент,
заведующий кафедрой английской филологии ФГАОУ
ВО «Самарский национальный исследовательский
университет имени академика С.П. Королева»
Шевченко Вячеслав Дмитриевич

Ведущая организация: **ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный
социально-педагогический университет»**

Защита состоится «31» октября 2018 г. в 11.00 часов на заседании диссертационного совета Д 850.007.08 на базе ГАОУ ВО города Москвы «Московский городской педагогический университет» по адресу: 105064, г. Москва, Малый Казенный пер., д. 5Б.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ГАОУ ВО города Москвы «Московский городской педагогический университет» по адресу: 129226, г. Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4 и на сайте ГАОУ ВО МГПУ www.mgpi.ru.

Автореферат разослан « »

2018 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат филологических наук

С.В. Михайлова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Реферируемая диссертация посвящена изучению принципов и закономерностей вербального кодирования процессов памяти в естественном языке, которые впервые рассматриваются с позиции всех возможных способов их выражения в условиях различных когнитивно-коммуникативных ситуаций.

В связи с утверждением антропоцентризма в лингвистических исследованиях последних лет изучение памяти как одного из проявлений языковой личности приобрело особую актуальность. По словам Т.И. Скоробогатовой, «сегодня понятие «память» продуктивно внедряется в научный аппарат лингвистической науки» [Скоробогатова 2013: 20]. Вопросы взаимодействия памяти и языка входят в круг проблем, важных для исследователей, работающих в русле антропоцентризма, который мы вслед за О.А. Сулеймановой воспринимаем не только как сосредоточие лингвистических исследований на проблематике человека в языке, но и как «совокупность языковых явлений (единиц) различных уровней, где имплицитруется человек и его проявления» [Сулейманова 2000: 107].

Актуальность исследования определяется следующими факторами:

- общей антропоцентрической ориентированностью современной лингвистики, проявляющейся, помимо прочего, в обращении к вопросам вербального кодирования когнитивной деятельности человека и проблемам коммуникативного взаимодействия;
- значимостью памяти как когнитивной системы организации личного опыта для всей жизнедеятельности индивида и для областей знаний, изучающих человека, его психику и язык;
- необходимостью критического осмысления научного опыта, накопленного в рамках антропоцентрически ориентированных дисциплин, и интеграции разрозненных фактов о репрезентации памяти в языке в единую систему;
- отсутствием системного лингвистического описания памяти и принципов ее экспликации в языковых знаках, потребностью в разработке подходов к исследованию памяти с позиций языкознания.

Цель диссертационного исследования – разработать когнитивно-коммуникативную концепцию мнемической деятельности, определив принципы и закономерности вербального кодирования мнемического содержания в процессе коммуникации на естественном языке.

Достижение указанной цели предполагает решение следующих **задач**:

- 1) выработать подход к изучению отображения памяти в языке, учитывающий ее комплексную природу и позволяющий исследовать мнемическую деятельность в ее связи с языком в едином концептуально-методологическом пространстве;
- 2) изучить традиции исследования памяти в языкознании и в смежных социально-гуманитарных науках, уточнить содержание терминов, используемых в исследованиях, посвященных проблематике памяти, и оценить возможность их применения для целей лингвистического изучения мнемической деятельности;
- 3) рассмотреть память как когнитивную систему организации личного опыта, выделить основные положения и принципы когнитивной и психолингвистической парадигм, релевантные для изучения вербального кодирования мнемических процессов;
- 4) выявить специфические свойства коммуникативного процесса, релевантные в связи с предпринимаемым когнитивно-коммуникативным анализом принципов и закономерностей вербализации мнемической деятельности;

- 5) рассмотреть мнемическую ситуацию как когнитивно-коммуникативное пространство вербального кодирования индивидуальной памяти, инвентаризировать ее составляющие и составить типологию мнемических ситуаций на основании когнитивных и коммуникативных признаков;
- 6) изучить мнемическое высказывание как облигаторный компонент мнемической ситуации и структуру-вербализатор мнемической деятельности, разработать критериальную базу для идентификации мнемических высказываний и процедуру их выделения из общего массива сообщений, которыми обмениваются коммуниканты;
- 7) составить типологию мнемических высказываний на основании их структурно-семантических и функциональных признаков;
- 8) на основе анализа фактического языкового материала выявить и описать принципы и закономерности экспликации мнемического содержания в знаках естественного языка;
- 9) проанализировать принципы информационно-коммуникативной и прагматической организации мнемического высказывания, описать лексико-семантический и морфологический компоненты вербального кода, используемого при продуцировании высказывания в мнемической ситуации.

Объектом исследования является совокупность языковых средств, выступающих в качестве вербального кода индивидуальной памяти, и эксплицированного посредством данного кода мнемического содержания, отражающего результат мнемической деятельности.

Предметом исследования стали принципы и закономерности вербального кодирования мнемического содержания, объективируемые системой языковых средств в процессе коммуникативного взаимодействия между участниками мнемической ситуации.

Степень научной разработанности темы. В настоящее время изучение проблемы взаимодействия памяти и языка ведется преимущественно в русле когнитивной лингвистики, базирующейся на постулате о неразрывной связи сознания и языка и ключевой роли последнего в процессах получения, обработки и хранения информации. Язык в данном случае выступает как средство, обеспечивающее доступ к когнитивным процессам, в том числе, к процессам памяти, и инструмент для обмена информацией между субъектами. При этом в когнитивных исследованиях тот факт, что информационный обмен между носителями сознания происходит в процессе коммуникации, нередко отходит на второй план. Между тем, известно, что условия протекания коммуникации непосредственно влияют на внешнюю и внутреннюю форму передаваемого сообщения, поэтому мы считаем принципиально важным при исследовании языкового воплощения процессов памяти принимать во внимание коммуникативный контекст.

Главной при обмене информацией в процессе коммуникации Е.В. Клюев называет проблему общности кода, указывая, что одним из условий, обеспечивающих взаимопонимание, является «знание того, каким образом «упаковывается» и «распаковывается» информация в разных случаях» [Клюев 2002: 256]. Рассматривая язык как вербальный код, мы подразумеваем, в первую очередь, его речевое воплощение, поскольку знаки выступают средством внешнего опосредования мыслей в речевой деятельности [Леонтьев, Лурия 1956: 379].

Результатом перекодирования исходного замысла в вербальную форму является высказывание, которое представляет собой «единую целостную систему и обладает качеством единой замкнутой структуры (coherence)» [Лурия 1998: 251]. Языковой код, по сути, является ключом к пониманию окружающей действительности, поскольку «невозможность назвать вещи по имени означает фактически невозможность узнать их, невозможность понять их назначение, воспользоваться ими, расположить себя

относительно их» [Клюев 2002: 261]. Соответственно изучение языковых характеристик высказываний, представляющих вербальный результат работы памяти, позволит получить более полное представление о специфике взаимодействия памяти и языка и о принципах вербального кодирования мнемической деятельности.

В процессе коммуникативного обмена сообщениями вербальное взаимодействие между партнерами, как отмечает Г.М. Сучкова, практически всегда носит модельный характер [Сучкова 2008]. Иными словами, речевое общение в определенных коммуникативных ситуациях разворачивается по единому сценарию, или модели. О «явлении стереотипности коммуникативных ситуаций» рассуждают также Д.А. Гусаров, Н.С. Гусарова и А.Л. Семенов [Гусаров 2014: 80]. Количество моделей конечно и соответствует множеству различных коммуникативных ситуаций, тогда как число их конкретных реализаций безгранично.

Данное представление стало отправной точкой для настоящей работы и позволило нам предположить, что в основе вербализации отдельных смыслов лежат определенные коммуникативные модели. Таким образом, **гипотеза** исследования формулируется следующим образом: экспликация мнемического содержания в языковых знаках реализуется на основе использования устойчивых рекуррентных моделей, в соответствии с которыми осуществляется речевое взаимодействие между коммуникантами в идентичных когнитивно-коммуникативных условиях.

Верификация гипотезы осуществлялась в два этапа, первый из которых заключался в дальнейшем осмыслении и авторской интерпретации научного опыта, накопленного в рамках современной лингвистики, когнитивной психологии и теории коммуникации, с позиций предлагаемого в данной работе когнитивно-коммуникативного подхода к изучению вербализации мнемической деятельности. На последующем этапе гипотеза получила подтверждение в результате анализа экспериментальных данных в широком смысле, к которым, в соответствии с концепцией О.Н. Селиверстовой, относятся и те случаи, когда нет необходимости в специальной постановке эксперимента, так как искомые данные могут быть получены в результате наблюдения над фактическим материалом [Селиверстова 2004]. Таким образом, концептуальную основу исследования составила *стратегия триангуляции*, предполагающая обращение к различным источникам теоретических сведений и эмпирических данных в сочетании с применением комбинированных методов в целях получения надежных результатов и их валидации.

В соответствии с избранной исследовательской стратегией в работе использовался комплекс общенаучных и лингвистических **методов** и приемов. Общенаучные методы включают гипотетико-дедуктивный метод, который применялся при построении гипотезы исследования, индуктивное обобщение, задействованное при составлении типологии мнемических ситуаций, и описательный метод, включающий приемы наблюдения, сопоставления, интерпретации, дифференциации и классификации фактических данных. К лингвистическим методам исследования, используемым в настоящем исследовании, относятся метод конверсационного анализа, позволяющий описать речевое взаимодействие в различных мнемических ситуациях; метод структурно-семантического анализа, необходимый для выделения мнемических высказываний; метод коммуникативно-прагматического анализа, применяемый для описания коммуникативно-прагматической организации высказываний-вербализаторов мнемических процессов; метод нарративного анализа, который используется для описания механизма мнемического нарратива и языковых средств его формирования. В качестве вспомогательных также применяются методы статистической обработки и количественного анализа.

Теоретико-методологической основой предпринятого диссертационного исследования послужили концепции отечественных и зарубежных ученых, изложенные в работах по:

- *философской, культурологической и психологической теории памяти* [Выготский 1983; Зинченко 2002; Лойко 2004; Лурия 2000; Мелик-Гайказян 2012; Нуркова 2006; Огородникова 2012; Пиллемер 2005; Рубинштейн 2009; Середа 1985; Чуприкова 2015; Шевцов 2015; Assmann 2008; Avelin 2010; Halbwachs 1997; Quillian 1968; Tulving 1972];

- *когнитивной лингвистике и теории языковой концептуализации и категоризации* [Баранчеева 2014; Дмитровская 1991; Иомдин 2010; Исхакова, Хомякова 2009; Кацнельсон 1972; Карасик 2004; Кубрякова 1991; Кузьменко 2013; Куприева 2013; Маслова 2008; Муфазалова 2014; Омельченко 2004; Прохорова и др. 2013; Селиверстова 2004; Слышкин 2010; Сулейманова 1999, 2006; Туровский 1991; Хайрутдинова 2015];

- *психолингвистике и когнитивной психологии* [Выготский 1982; Гак 1973; Жинкин 1964; Залевская 2007; Красных 2001; Леонтьев 1969, 1974; Лурия 1998; Пищальникова 2007; Уфимцева 2009; Baddeley 2003; Daneman 1994; Fivush 2011; Gasparov 2010; Greene 2005; Haden 1997; Marian 1999; Miller 1956; Peterson 1982; Singer 1990; Tenbrink 2008];

- *теории коммуникации* [Каменская 1990; Кашкин 2003; Кириллова 2011; Клюев 2002; Почепцов 2001; Сучкова 2008; Шаронов 2016; Яковлев 2001; Vocate 2012];

- *теории дискурса* [Бондарева 2014; Макаров 2003; Ньюбина 2013; Fletcher 1994; Harré 1995];

- *прагматической лингвистике и теории речевых актов* [Сучкова 2008; Van Dijk 1977; Watzlawick 2011];

- *нарратологии* [Варшавская 2002; Попова 2001; Тюпа 2001; Burima 2010; Cohn 1983; Fleisher Feldman 2001; Labov 1972; Linde 1993; Schank 1995; Tumanov 1997];

- а также в исследованиях, направленных на изучение различных аспектов проблемы взаимодействия памяти и языка [Брагина 2007; Голайденко 2012; Зализняк 2006; Кормазина 2013; Переходцева 2012; Ребрина 2008; Рогачева 2003; Центнер 2012; Чертыкова 2014; Chafe 1973].

Обращение к различным теориям и концепциям как в рамках науки о языке, так и из числа смежных дисциплин, обусловлено общей стратегией триангуляции, позволяющей рассмотреть проблему вербального кодирования мнемической деятельности с различных концептуальных позиций и с учетом специфики индивидуальной памяти в целом.

Теоретическая значимость настоящего исследования состоит в том, что оно вносит вклад в разработку проблемы языкового отображения психических процессов, способствуя решению задачи определения принципов вербального кодирования индивидуальной памяти, а также является стимулом к дальнейшему использованию триангуляции в лингвистических исследованиях. В диссертации впервые осуществлена системная разработка проблемы вербализации мнемической деятельности и предложен подход к ее изучению, позволяющий объективно описать механизм вербального кодирования памяти как единую систему, инкорпорирующую ряд устойчивых моделей, стабильно воспроизводимых в определенных когнитивно-коммуникативных условиях. Исследовательский алгоритм, разработанный в диссертации, может быть положен в основу изучения способов экспликации в языковых знаках иных типов памяти в различных когнитивно-коммуникативных ситуациях. Процедура идентификации высказываний-вербализаторов может найти применение при анализе коммуникативных контекстов, в которых имеет место вербальная манифестация других когнитивных процессов. Полученные результаты также могут послужить стимулом к изучению специфики вербального кодирования мнемического содержания в коммуникации на разных языках.

Практическая ценность работы состоит в том, что ее теоретические и практические результаты могут быть использованы при разработке курсов лекций и спецсеминаров по языкознанию, психолингвистике, когнитивной лингвистике, основам теории языка, нарратологии, спецкурсов при подготовке специалистов в области психологии, в практике преподавания иностранных языков, а также при составлении и дополнении толковых и идеографических словарей. Отдельные положения диссертации могут найти применение в практике лингвистических и междисциплинарных исследований. Эмпирический материал может быть использован при составлении учебно-методических пособий по дисциплинам лингвистического цикла.

Научная новизна предпринятого исследования определяется следующими факторами:

1. В работе представлена целостная концепция вербального кодирования мнемической деятельности в когнитивно-коммуникативной перспективе: впервые объектом комплексного лингвистического описания становятся индивидуальная память как когнитивная система организации личного опыта, реализующаяся в процессах запоминания, хранения, воспоминания и забывания, и совокупность языковых средств как вербальный код, обеспечивающий ее объективацию в языке и коммуникации.

2. В целях системного изучения механизма вербального кодирования индивидуальной памяти как нового объекта лингвистического исследования в диссертации разрабатывается когнитивно-коммуникативный подход, учитывающий концепции когнитивной психологии, лингвистики и теории коммуникации и позволяющий комплексно описать принципы вербального кодирования мнемической деятельности с учетом когнитивных и коммуникативных факторов, действующих в момент перекодирования мнемического содержания в вербальную форму.

3. Обогащен понятийный теоретико-методологический аппарат лингвистики введением понятий «мнемическое высказывание», «мнемическое диалогическое единство», «мнемический монолог», «мнемический нарратив». Предложены критерии выделения мнемического высказывания и разработана процедура его идентификации среди массива сообщений, которыми обмениваются участники коммуникативного процесса. Определены и описаны устойчивые корреляции между типом мнемического высказывания и особенностями его коммуникативно-информационной, прагматической и лексико-грамматической организации.

4. В дополнение к уже разработанным представлена расширенная типология мнемических ситуаций с учетом коммуникативных параметров, что позволяет проанализировать коммуникативные контексты продуцирования мнемических высказываний и определить наличие связи между конкретным типом мнемического высказывания и условиями вербализации соответствующего процесса памяти.

5. Впервые комплексный анализ обширных эмпирических данных проведен с позиций когнитивно-коммуникативного подхода, результатом чего явился пересмотр традиционных представлений о памяти как о воспоминании, о ее исключительной ассоциированности со сферой прошлого и о нарративе как о доминирующей форме репрезентации памяти в языке и коммуникации.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Дифференциацию мнемических ситуаций с целью установления связей между мнемическим содержанием и способами его экспликации в языковых знаках целесообразно производить в соответствии с параметрами, описывающими когнитивные и коммуникативные аспекты интеракции. Из первой группы параметров релевантным для изучения механизма вербального кодирования мнемической деятельности является тип мнемического процесса, подвергающегося вербализации. Вторая группа включает

следующие релевантные параметры: параметр актуальности / виртуальности, параметр опосредованности / непосредственности, параметр уровня коммуникации, параметр наличия / отсутствия и характера обратной связи.

2. Когнитивно-коммуникативный подход к изучению специфики языковой манифестации мнемической деятельности позволяет осуществить комплексный анализ высказываний-вербализаторов. Последовательное применение его принципов позволяет интегрировать отдельные языковые факты в единую систему средств вербального кодирования индивидуальной памяти и продемонстрировать наличие устойчивых моделей, в соответствии с которыми развивается речевое взаимодействие между участниками мнемической ситуации.

3. Вербальный результат когнитивной деятельности участника мнемической ситуации репрезентируется в форме мнемического высказывания. Мнемическое высказывание выступает вербализатором процессов памяти в ходе коммуникативного обмена между участниками мнемической ситуации и характеризуется рекуррентностью, то есть регулярно воспроизводится в идентичных когнитивно-коммуникативных контекстах. В соответствии с комплексом критериев, учитывающих функциональные, семантические и формальные параметры речевых построений, мнемическим высказыванием признается экстерииоризированное или интерииоризированное высказывание участника мнемической ситуации, порожденное в рамках мнемической ситуации и вербализующее один или несколько мнемических процессов. Выделяются три типа мнемических высказываний: мнемическое диалогическое единство, мнемический монолог и мнемический нарратив.

4. Мнемическое диалогическое единство является рекуррентной диалогической структурой, выступающей вербализатором процессов помещения информации в память, хранения информации, восстановления и утраты информации из памяти в актуальных мнемических ситуациях. Мнемическое диалогическое единство представляет собой последовательность реплик-стимулов и реплик-реакций, объединенных микротемой процессов памяти и оформляемых на основе стандартных стереотипных моделей.

5. Мнемический монолог является рекуррентным вербализатором процессов памяти как в актуальных, так и в виртуальных мнемических ситуациях. Основными признаками мнемического монолога являются относительная автономность, структурная гибкость и тематическое единообразие, обнаруживающее себя в концентрации внимания субъекта на собственных мнемических переживаниях на любой стадии когнитивной переработки. Отсутствие каких-либо ограничений, касающихся сферы функционирования данного типа мнемического высказывания, свидетельствует о его универсальности и высоком потенциале при вербальном кодировании индивидуальной памяти.

6. Мнемический нарратив является рекуррентным вербализатором процессов памяти и в этом качестве представляет собой структурированную дискурсивную форму, последовательно и логически воспроизводящую личный мнемический опыт субъекта (при возможном отступлении от хронологического порядка событий), включающую контекст, необходимый для интерпретации и аналитической обработки излагаемого, и несущую оценку значимости мнемического содержания для нарратора и других субъектов.

7. Каждому типу мнемического высказывания соответствует несколько стереотипных вариантов коммуникативно-информационной и прагматической структуры, отражающих когнитивно-коммуникативные и прагматические особенности речевого взаимодействия коммуникантов в мнемических ситуациях.

8. Мнемическое высказывание обладает сложной многокомпонентной лексико-грамматической структурой, в основе которой лежит исходная или контекстуально обусловленная семантика памяти и мнемических процессов, на которую накладываются грамматические значения темпоральной локализации. Среди лексических маркеров

мнемического высказывания выделяются две макрогруппы: слова мнемической семантики и слова немнемической семантики, приобретающие значение памяти в результате метонимического переноса. Грамматически мнемическое высказывание характеризуется неоднородной темпоральной структурой, представленной тремя типами: монотемпоральным, битемпоральным и политемпоральным. В формировании темпорального плана мнемического высказывания также участвуют темпоральные адвербиалы, среди которых выделяются два класса: локализаторы, задающие временные координаты мнемического события, и корреляторы, указывающие положение мнемического события на шкале времени относительно какого-либо другого события.

Материалом исследования послужила авторская картотека общим объемом около 2,55 млн словоупотреблений, в которую вошли коммуникативные контексты, отобранные вручную методом сплошной выборки из трех типов англоязычных источников.

Источники первого типа включают фрагменты из современных художественных произведений разных жанров, в том числе мемуаров и автобиографий. Вторую группу источников составляют фрагменты публичной и массовой коммуникации на английском языке, а именно записи речей политических лидеров (<http://www.americanrhetoric.com>), транскрипты публичных выступлений, телеинтервью и теледискуссий (www.cnn.com, www.bbc.com), печатные и электронные версии статей и интервью, опубликованных в следующих британских и американских изданиях: *The Guardian*, *The Daily Mail*, *The Daily Telegraph*, *Newsweek*, *The Daily Beast* и *MarieClaire*, *The Huffington Post*. Третий тип источников – фрагменты компьютерно-опосредованной коммуникации на английском языке, в том числе публично доступные Интернет-дневники (www.diary.com, www.my-diary.org), анонимные признания (www.simplyconfess.com, www.secret-confessions.com), публичные обсуждения и комментарии (<https://www.theguardian.com/notesandqueries>), блоги и сообщения англоязычных пользователей социальной сети *Facebook* (www.facebook.com) и сервиса микроблогов *Twitter* (www.twitter.com). Обращение к трем различным источникам языковых данных обусловлено стратегией триангуляции, составившей концептуальную основу настоящей работы, и призвано обеспечить объемную и многостороннюю эмпирическую базу исследования.

В основу отбора фактического материала был положен когнитивный принцип, то есть текстовый фрагмент регистрировался в картотеке, если представлял собой языковое воплощение мнемической ситуации. Таким образом, эмпирическую базу исследования составляют 7500 тематически когерентных фрагментов, из которых 2500 относятся к источникам первого типа, 2500 – к источникам второго типа и 2500 к источникам третьего типа, что определяет сбалансированность и репрезентативность выборки.

Достоверность и обоснованность положений и выводов диссертации обусловлена, в первую очередь, следованием принципам триангуляции как стратегии обеспечения валидности результатов, подробно описанным в трудах Н. Дензина [Denzin 2009], У. Флика [Flick 2007, 2008, 2014], О.Т. Мельниковой, Д.А. Хорошилова [Мельникова 2014] и других ученых, на всех ключевых этапах исследования, а именно: на этапе интерпретации накопленного научного опыта (изучение поставленной проблемы с различных позиций лингвистики, когнитивной психологии и теории коммуникации), при сборе фактического языкового материала (составление вариативной выборки), при анализе эмпирических данных, вошедших в авторскую картотеку (комбинация различных методов качественного и количественного анализа).

Апробация работы. Основные результаты исследования нашли отражение в 17 статьях, опубликованных в периодических изданиях, рекомендованных ВАК. Всего по теме исследования опубликовано 47 научных работ, из которых наиболее значимыми

являются монография и 3 статьи в рецензируемых изданиях, индексируемых в информационно-аналитических базах Scopus и Web of Science.

Отдельные положения диссертации и результаты исследования были представлены в форме докладов на следующих конференциях: на Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы лингводидактики и лингвистики: сущность, концепции, перспективы» (Волгоград, 2008, 2009 гг.); на Международной научно-практической конференции «Язык и межкультурная коммуникация» (Великий Новгород, 2009 г.); на 5-й Международной научной конференции «Язык и коммуникация в контексте культуры» (Рязань, 2010 г.); на Международной научно-практической конференции «Современная лингвистическая ситуация в международном пространстве» (Тюмень, 2010 г.); на Всероссийской научной конференции «Лингвориторика: теоретические и прикладные аспекты» (Тула, 2010 г.); на Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Лингво-Профи» (Владимир, 2010 г.); на Второй международной научно-практической конференции «Актуальные вопросы филологии и методики преподавания иностранных языков» (Санкт-Петербург, 2010 г.); на I, II и III Научно-практической Интернет-конференции с международным участием «Актуальные проблемы лингвистики и лингводидактические аспекты профессиональной подготовки переводчиков» (Тула, 2012, 2013, 2014 гг.); на VI Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы германистики и методики преподавания иностранных языков» (Саранск, 2016 г.); на II Международной научной конференции «Язык в различных сферах коммуникации» (Чита, 2016 г.); на IV Всеукраинской научно-практической конференции с международным участием «Розвиток основних напрямів соціогуманітарних наук: проблеми та перспективи» (Каменское, 2017 г.); на итоговой международной научно-практической конференции «Интеграция теории, методологии и практики в современных науках и образовании» (Армавир, 2018 г.).

Объем и структура исследования. Структура работы отражает основные этапы проведенного исследования. Диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения, списка сокращений, списка терминов, списка литературы, списка источников иллюстративного материала и приложения. Общий объем работы составляет 389 страниц, объем основного текста – 312 страниц. Библиография насчитывает 419 наименований, в том числе 146 источников на иностранном языке, а также включает список использованных словарей и Интернет-ресурсов.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается выбор темы для исследования, указывается ее актуальность и степень разработанности, определяются объект и предмет исследования, формулируются цели и задачи, описывается методологическая база диссертационной работы, характеризуются научная новизна исследования, теоретическая и практическая значимость, приводятся основные положения, выносимые на защиту.

В Главе I «**Теоретико-методологические основы когнитивно-коммуникативной концепции мнемической деятельности**» излагаются теоретические и методологические основания лингвистического изучения вербального кодирования процессов индивидуальной памяти с позиций когнитивно-коммуникативного подхода.

В *Разделе 1.1.* обосновывается необходимость междисциплинарного подхода к изучению вербализации мнемической деятельности, эксплицируется выбор триангуляции как исследовательской стратегии, направленной на обеспечение валидности выводов и результатов, описывается логика построения доказательства гипотезы.

Раздел 1.2. содержит теоретический обзор концепций и теорий памяти, принятых в современных социально-гуманитарных науках и релевантных для целей настоящего исследования. В частности, уточняется понятие индивидуальной памяти, дифференцируются ее типы и формы, декларируется ее статус среди других видов памяти, рассматриваются ключевые процессы памяти и их характеристики.

В культурно-философских исследованиях центральное место отводится надиндивидуальной (коллективной, социальной, культурной, исторической) памяти, которая противопоставляется памяти индивидуальной. Память рассматривается не как свойство человеческой психики, а как социальный феномен, которым не только возможно, но и необходимо управлять в национальных интересах народа-носителя памяти. Доминирующей формой репрезентации содержания памяти выступает нарратив.

В соответствии с представлениями современной когнитивной психологии мы рассматриваем память как «систему организации опыта, которую можно описать мнемическими процессами: запоминанием, сохранением, забыванием и воспроизведением» [Огородникова 2012: 311]. Трактовка памяти как системы мнемических процессов имеет принципиальное значение для настоящего исследования, так как говоря о языковых особенностях репрезентации памяти, в первую очередь, мы будем иметь в виду способы вербальной объективации ее процессов.

В *Разделе 1.3.* представлены лингвокогнитивный и лингводискурсивный подход к изучению памяти, принятые в современном отечественном и зарубежном языкознании. На основе анализа работ представителей когнитивно-дискурсивной парадигмы мы выделяем несколько проблемных моментов, связанных с лингвистическими исследованиями памяти. Во-первых, в языкознании, как и в других социально-гуманитарных областях знаний, не проводится четкая демаркация между памятью в ее индивидуальном и надиндивидуальном измерении, что не позволяет однозначно установить область валидности результатов. Во-вторых, имеет место отождествление индивидуальной памяти в целом с памятью ретроспективной, ориентированной на хранение и воспроизведение прошлого опыта, что существенно сужает границы научного поиска. В-третьих, формами вербального представления памяти признаются языковые единицы, вербализующие соответствующий концепт, и нарратив, тогда как другие возможные способы экспликации мнемического содержания в языковых знаках остаются вне фокуса исследовательского интереса. В-четвертых, фундаментом лингвистических представлений о памяти и ее процессах являются общегуманитарные концепции, тогда как многие теоретические положения психологической науки не принимаются во внимание.

В настоящей работе предпринимается попытка преодолеть указанные ограничения и разработать концептуальные теоретико-методологические основы лингвистического описания памяти в соответствии с представлениями современной когнитивной психологии о ее видах, формах, подсистемах и процессах и с учетом положений теории коммуникации.

Например, следующий фрагмент иллюстрирует ситуацию вербального кодирования воспоминания в условиях прямой коммуникации на групповом уровне. Высказывание представляет собой отрывок речи, произнесенной Уэсли Отри на церемонии вручения наград CNN Heroes 9 декабря 2007 года. Простой американский строитель, отец троих детей и ветеран ВМФ, получил статус национального героя после того, как спас студента, случайно упавшего с платформы на пути нью-йоркского метро. Выступая на церемонии награждения, Отри описывает момент, когда он и студент оказались под вагоном:

You know, when I was down on the tracks, I remember the sound of the horns. I remember the sparks around my head. I remember holding onto that man, saying, "Please don't push me, because if you do, I'm going to be the one that going to get it," 'cause I'm on top. And I told him

something really simple with the train rolling over our head: "Don't move."
(www.americanrhetoric.com)

Знаете, когда я был уже внизу, на путях, я помню гудок поезда. Помню искры над головой. Помню, как вцепился в парня и говорил ему: «Пожалуйста, не толкай меня, иначе я попаду под состав», потому что я сверху. И я сказал ему очень простую вещь в то время, как поезд мчался над нами: «Не двигайся». (Перевод мой – И.Т.)

При традиционном подходе в фокусе внимания лингвиста, в первую очередь, оказался бы глагол *remember* как основной носитель информации о репрезентируемом процессе памяти и его лексико-семантические особенности, тогда как избранный в данной работе когнитивно-коммуникативный ракурс исследования позволяет проанализировать когнитивно-коммуникативный контекст продуцирования высказывания, а именно, особенности субъекта процесса памяти, самого вербализуемого процесса, информационного каузатора, информационного актанта, реципиента, а также тип связи между участниками коммуникативной ситуации. В результате анализа данного фрагмента и аналогичных коммуникативных контекстов в соответствии с указанными параметрами возможно заключить, что в описанных когнитивно-коммуникативных условиях процесс воспоминания стабильно кодируется монологической формой, характеризующейся определенными коммуникативно-прагматическими свойствами и наличием стереотипных лексических и грамматических маркеров репрезентируемого процесса.

В Главе II «**Вербальное кодирование мнемической деятельности в когнитивно-коммуникативной перспективе**» обосновывается релевантность применения когнитивно-коммуникативного подхода к изучению специфики вербального кодирования процессов памяти в коммуникации, выявляются, описываются и классифицируются когнитивно-коммуникативные контексты вербализации памяти, разрабатывается критериальная база для идентификации способов вербального кодирования памяти и ее процессов в коммуникации, определяются и систематизируются формы вербализации мнемических процессов.

В *Разделе 2.1.* представлены модели продуцирования речи, составившие психолингвистическую основу предлагаемой концепции. В соответствии с теоретическими положениями отечественной психолингвистики, мнемическое высказывание, выделяемое нами в качестве облигаторного компонента мнемической ситуации, может рассматриваться в качестве результата двойного кодирования ментальной репрезентации как отражения в памяти лично значимого опыта.

В *Разделе 2.2.* выделяются и описываются свойства коммуникации, релевантные для целей и задач настоящего исследования. Являясь крупномасштабным феноменом, коммуникация обладает обширным набором свойств, из которых особое значение для описания ее лингвистических аспектов, на наш взгляд, имеют следующие: континуальность, контекстуальность, опосредованность и интеракциональность.

Континуальность коммуникативных процессов позволяет рассматривать обмен информационными сообщениями как макрособытие, разворачивающееся во времени и делимое на отдельные микрособытия (коммуникативные акты), поддающиеся лингвопрагматическому анализу. *Контекстуальность* как свойство коммуникации указывает на зависимость смысла пересылаемого сообщения от условий осуществления интеракции, а обязательное использование кода для шифрования и дешифрования сообщения и канала для его передачи свидетельствуют об опосредованном характере всех коммуникативных процессов. При кодировании пересылаемой информации средствами естественного языка коммуникация является вербальной и передаваемое по каналам связи сообщение имеет форму речевого высказывания. Коммуникация может быть как прямой, то есть имеющей место при непосредственном личном контакте участников, так и

опосредованной, предполагающей использование различных технических средств для обмена сообщениями. *Интеракциональность* коммуникации проявляется в обязательной вовлеченности в коммуникативный процесс всех его участников, число которых может варьироваться от одного индивида до тысяч и даже миллионов.

В *Разделе 2.3.* мы обращаемся к проблеме сбора эмпирических данных, адекватных целям и задачам исследования, приводим подробное описание состава авторской картотеки и источников языкового материала, указываем основные этапы его обработки. В основу отбора фактического материала был положен когнитивный принцип, то есть текстовый фрагмент регистрировался в картотеке, если представлял собой языковое воплощение мнемической ситуации, включающей ряд обязательных компонентов.

В *Разделе 2.4.* представлена авторская концепция вербализации процессов индивидуальной памяти средствами естественного языка, в соответствии с которой язык выполняет функцию перекодирования образов памяти в вербальные символы, оформляющие мнемический опыт в сознании индивида и позволяющие его ретранслировать, при этом выбор конкретной вербальной формы объективации результата мнемической операции обусловлен когнитивно-коммуникативными факторами, действующими в момент вербализации.

В качестве инструмента анализа мы вслед за Ю.Н. Рогачевой [Рогачева 2003], Р.Ф. Исхаковой, Е.Г. Хомяковой [Исхакова, Хомякова 2009] и Е.И. Баранчевской [Баранчевская 2014] используем мнемическую ситуацию, под которой понимается «конкретная ситуация, в центре которой находятся мнемические процессы» [Исхакова, Хомякова 2009: 86]. Мнемическая ситуация (далее МС) представляет собой абстрактный тип, выводимый на основании структурного и содержательного сходства конкретных ситуаций воспоминания, запоминания, сохранения и забывания информации [Рогачева 2003].

В ходе серии интеракций информационный каузатор, эксплицитный или имплицитный, исходящий от коммуникантов или извне, запускает определенный мнемический процесс, создавая тем самым МС. Результат работы мнемического процесса передается партнеру по коммуникации посредством языкового кода, то есть в форме высказывания. В связи с отсутствием в лингвистической науке специального термина для обозначения речевого продукта памяти в настоящем исследовании мы будем называть подобные высказывания мнемическими. Итак, под *мнемическим высказыванием* мы понимаем высказывание (как письменное, так и устное) участника МС, порожденное в рамках МС и репрезентирующее результат работы одного или нескольких мнемических процессов.

Следующий фрагмент иллюстрирует коммуникативное взаимодействие в рамках МС хранения информации в памяти и представляет собой диалогическое мнемическое высказывание, которое здесь и далее мы будем называть *мнемическим диалогическим единством (МДЕ)*. Субъектом МС выступает второй коммуникант, который в ответ на стимулирующую реплику партнера по коммуникации, содержащую информационный каузатор (*Do you remember her?*), подтверждает факт наличия в памяти сведений об информационном актанте. Таким образом, реагирующая реплика диалогического мнемического высказывания выступает непосредственным вербализатором процесса хранения информации в памяти, который на лексическом уровне манифестируется глаголом *remember*.

*“She was looking for a publisher for a book on Noetic Science? **Do you remember her?**”*

*Faukman rolled his eyes. “Sure. **I remember.** And thanks a million for that introduction. Not only did she refuse to let me read the results of her research, she didn’t want to publish anything until some magical date in the future.” (Brown D. Lost Symbol)*

– Она еще искала издателя для своей книги по ноэтике, помнишь?

Фаукман закатил глаза.

– Еще бы! «Полезное» знакомство, спасибо. Она не только отказалась предоставить мне результаты своих исследований, но и отложила публикацию на неопределенное время. (Перевод Е. Романовой, М. Десятовой)

Мнемическое высказывание мы рассматриваем как неотъемлемую часть МС на том основании, что оно представляет собой конечный продукт работы механизма индивидуальной памяти, эксплицированный в языковых знаках.

Когнитивная типология мнемических ситуаций. В настоящей работе в основу когнитивной типологии МС положено их соответствие этапам мнемической цепочки, отражающей последовательность обработки механизмом памяти поступающей извне информации. Таким образом, в типологию мнемических ситуаций, разработанную Р.Ф. Исхаковой и Е.Г. Хомяковой [Исхакова, Хомякова 2009], возможно внести изменения и выделить следующие типы в соответствии с этапами функционирования механизма памяти: *ситуация помещения информации в память, ситуация хранения информации, ситуация утраты информации, ситуация восстановления информации, комбинированная ситуация.*

Предлагаемые изменения представляются оправданными, так как в этом случае вербальное оформление получает также начальное звено мнемической цепочки (процесс помещения информации в память, запоминание), и становится возможным проследить четкое соответствие между выделяемыми типами МС и ключевыми процессами памяти – запоминанием, хранением, воспроизведением и забыванием, традиционно описываемыми психологами. Скорректированная типология не только имеет под собой теоретическое обоснование, но и находит эмпирическое подтверждение, о чем свидетельствуют результаты анализа фактического языкового материала, вошедшего в картотеку исследования.

Коммуникативная типология мнемических ситуаций. В соответствии с когнитивно значимыми свойствами коммуникации, представленными в Разделе 2.2, были выделены следующие коммуникативные параметры, релевантные для описания особенностей вербального кодирования процессов памяти в различных типах коммуникации: параметр актуальности / виртуальности, параметр опосредованности / неопосредованности, параметр уровня коммуникации, параметр наличия / отсутствия и характера обратной связи. Типология МС, разработанная на основе коммуникативного признака, представлена в Таблице 1:

Таблица 1. Типология мнемических ситуаций на основании коммуникативного признака

АКТУАЛЬНАЯ МНЕМИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ						ВИРТУАЛЬНАЯ МНЕМИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ			
ПРЯМАЯ			ОПОСРЕДОВАННАЯ			ОПОСРЕДОВАННАЯ			
Внутриличностная с последующей обратной связью	Межличностная с последующей обратной связью	Групповая с последующей обратной связью	Внутриличностная с обратной связью или без нее	Межличностная с последующей обратной связью	Групповая с последующей обратной связью или без нее	Массовая с последующей обратной связью или без нее	Межличностная с задержанной обратной связью или без нее	Групповая с задержанной обратной связью или без нее	Массовая с задержанной обратной связью или без нее

Взаимодействие между коммуникантами актуальной МС происходит в режиме реального времени с синхронным обменом репликами и при отсутствии каких-либо пространственно-временных преград. Такие интеракции могут осуществляться на внутриличностном, межличностном, групповом и массовом уровне в условиях личного контакта или посредством различных средств связи. При этом следует отметить, что случаи коммуникации в МС на массовом уровне были зарегистрированы нами только в опосредованных условиях, так как сама возможность прямого коммуникативного взаимодействия между массовыми коммуникантами крайне маловероятна.

Следующий фрагмент служит иллюстрацией прямого коммуникативного взаимодействия в актуальной межличностной мнемической ситуации:

“You’ve interviewed me once already, and I can recollect some quite probing questions then.” He smirks at me.

Holy shit. He’s remembering the ‘gay’ question. Once again, I’m mortified. In years to come, I know, I’ll need intensive therapy to not feel this embarrassed every time I recall the moment. I start babbling about my mother – anything to block that memory. (James E.L. Fifty Shades of Grey)

– Вы уже брали у меня интервью и, помнится, задавали довольно интимные вопросы. – Он ухмыляется. Ну конечно. Вопрос насчет «гея». Я готова провалиться сквозь землю. В будущем, полагаю, мне придется пройти курс интенсивной психотерапии, чтобы не испытывать мучительного стыда при воспоминании об этом моменте. Я начинаю что-то бормотать про свою мать только для того, чтобы избавиться от неприятных мыслей. (Перевод И. Метлицкой, М. Клеветенко, Т. Китаиной)

В представленном примере один из коммуникантов вспоминает эпизод из прошлого, в котором были задействованы оба участника МС, и напоминает о нем своей собеседнице. Таким образом, в рассматриваемой мнемической ситуации партнеров по коммуникации объединяет общий информационный актант. Отсылка к мнемическому опыту вызывает мгновенную реакцию со стороны получателя сообщения, который испытывает негативные эмоции, связанные с названным эпизодом, однако не дает им вербального выражения, то есть обратная связь не проявляется в форме ответной реплики. Вместо этого реципиент уводит разговор в другое русло, пытаясь прервать процесс воспроизведения информации из памяти, результат работы которого может обернуться новыми неприятными воспоминаниями.

В опосредованных актуальных МС обмен сообщениями проходит в условиях отсутствия непосредственного контакта между коммуникантами, то есть с использованием различных средств и технологий, например, с помощью SMS, чатов, всевозможных онлайн-сервисов и т.п. Необходимо отметить, что применение подобных технологий еще не свидетельствует о виртуализации коммуникации, так как при этом сохраняется возможность обмена информацией в режиме реального времени.

Примером опосредованной межличностной МС может послужить следующий коммуникативный эпизод, имевший место 9 марта 2014 года между пользователями сервиса микроблогов Твиттер.

“@ryansalright: @nathanfillion what do you remember about filming saving private ryan?” Everything. Every detail.

@ryansalright: «@nathanfillion, что ты помнишь о съемках “Спасти рядового Райана?”» Все. Каждую мелочь. (Перевод мой – И.Т.)

Пользователь ryansalright обращается к пользователю nathanfillion с вопросом, помнит ли тот подробности съемок фильма «Спасти рядового Райана», и в ответ получает подтверждение о наличии полных сведений об информационном актанте в памяти субъекта МС. В данном примере инициатива принадлежит не носителю мнемического опыта, а его

собеседнику, и инициальная реплика служит каузатором обращения к содержимому памяти. МС, проиллюстрированная данным фрагментом, имеет место в условиях компьютерно-опосредованной коммуникации, когда передача сообщения от отправителя получателю осуществляется не при личном контакте, а с использованием компьютера или мобильного устройства, при этом коммуникация остается актуальной, то есть временной интервал между отдельными репликами коммуникантов стремится к значениям, характерным для прямой коммуникации.

Дифференциация мнемических ситуаций по когнитивным и коммуникативным признакам позволяет с большей степенью точности определить внешние контекстуальные условия вербализации процессов памяти и установить наличие или отсутствие связи между типом мнемической ситуации и формой высказывания-вербализатора.

Раздел 2.5. посвящен непосредственно мнемическому высказыванию как вербализатору процессов памяти в естественном языке и коммуникации. В данном разделе приводится дефиниция мнемического высказывания, описывается процедура его идентификации среди массива речевых сообщений, которыми обмениваются коммуниканты в ходе общения, а также выделяются типы мнемического высказывания.

В процессе анализа фактического материала, составившего эмпирическую базу исследования, получило подтверждение предположение о вариативности структурно-содержательных характеристик мнемического высказывания в коммуникации и их корреляции с типом МС. Этапом, предшествующим проверке данного предположения, стала разработка *процедуры идентификации мнемических высказываний*, которая позволяет безошибочно выделить последние из общего массива сообщений, порождаемых коммуникантами в процессе интеракции. В основу указанной процедуры положен критериальный комплекс, включающий следующие критерии:

- 1) функциональный (определяет коммуникативные условия употребления мнемических высказываний);
- 2) семантический (описывает их содержательные характеристики);
- 3) формальный (предписывает наличие в структуре мнемического высказывания разноуровневых языковых единиц, выступающих в качестве эксплицитных или имплицитных маркеров мнемической деятельности).

В соответствии с указанными критериями рассматриваемые высказывания должны репрезентировать результат работы механизма памяти в рамках МС, характеризоваться тематической однородностью, а также наличием лексико-семантических и грамматических показателей мнемических процессов. Результаты применения процедуры идентификации мнемических высказываний, входящих в анализируемую выборку, представлены ниже.

Анализ функциональных и структурно-семантических особенностей высказываний, составивших картотеку исследования, позволил выделить три типа мнемических высказываний: мнемическое диалогическое единство, мнемический монолог и мнемический нарратив.

Мнемическое диалогическое единство. В результате аналитической обработки текстовых фрагментов, составивших эмпирическую базу исследования, было установлено, что одним из видов высказываний-вербализаторов, репрезентирующих работу механизма индивидуальной памяти в ходе коммуникативного обмена между индивидами, является мнемическое диалогическое единство. По данным картотеки, количество мнемических высказываний этого типа в выборке составило 1469 единиц, что соответствует 19,59% от общего количества проанализированных коммуникативных контекстов.

Следующий пример иллюстрирует взаимодействие коммуникантов в МС хранения информации в памяти, в рамках которой продуцируется высказывание-вербализатор, имеющее диалогическую форму.

“Laura, you’re stuttering. I’m surprised at you. You ridicule people who stutter. Show me how you ridicule them. No, never mind. I can’t stay too long. I brought you a peanut butter and jelly sandwich and a glass of milk. You used to eat that every day in grammar school. **Do you remember that?**”

“Yes... yes.”

“I’m glad you remember. It’s important that we don’t forget the past. Now I’ll allow you to use the bathroom. Then you may eat your sandwich and drink the milk.” (Higgins Clarke M. *Nighttime Is My Time*)

Лаура! Ты заикаешься! Не ожидал от тебя. Ты ведь смеешься над заиками. Покажи мне, как ты над ними смеешься. Нет, не надо. Я ненадолго. Я принес тебе бутерброд с арахисовым маслом и желе, и молока. В начальной школе ты ела это каждый день. Помнишь?

— Да... да...

— Я рад, что помнишь. Это важно, нам нельзя забывать прошлое. Я позволю тебе сходить в туалет. Потом ты сможешь съесть бутерброд и попить молока. (Перевод А. Руденко)

В рассматриваемом примере инициатор коммуникативного обмена обращается к субъекту мнемического опыта с просьбой подтвердить некоторую информацию, получает положительный ответ и сопровождает его комментарием. Реплика второго коммуниканта подтверждает факт хранения информации, являясь средством языкового оформления соответствующего мнемического процесса. К формальным лексическим признакам МДЕ относятся мнемические глаголы *remember* и *forget*, а также существительное ретроспективной семантики *past*. Временная локализация информационного актанта обеспечивается за счет локально-темпорального адвербиала *in grammar school*. Очевидно, что рассмотрение реплики-вербализатора (“Yes... yes.”) вне коммуникативного контекста было бы малоинформативным, так как налицо тесная синтаксическая и семантическая связь между ней и иницирующей и последующей реагирующей репликами, поэтому в настоящем исследовании реплики-вербализаторы мнемических процессов рассматриваются как неотъемлемая часть соответствующих диалогических единств.

Результаты анализа 7500 коммуникативных контекстов, входящих в эмпирическую базу исследования, показали, что в одном случае из пяти вербальный продукт мнемической деятельности индивида в коммуникации оформляется как МДЕ, что свидетельствует о высоком потенциале вопросно-ответных единств и пар стимул-реакции как средства вербального кодирования мнемических процессов, в связи с чем введение в научный обиход специального термина для такого рода высказываний представляется обоснованным. Таким образом, для обозначения последовательности стимулирующих и реагирующих реплик, объединенных микротемой мнемических процессов, в настоящей работе вводится понятие *мнемического диалогического единства*.

Мнемическое монологическое высказывание. Помимо МДЕ в качестве средства вербального кодирования процессов памяти нами были выделены также монологические высказывания участников мнемической ситуации, которые в настоящей работе мы будем называть мнемическими монологическими высказываниями. **Мнемическое монологическое высказывание**, или **мнемический монолог**, представляет собой автоадресованную или обращенную к слушателям речь субъекта (вербализованную или невербализованную, устную или письменную), репрезентирующую один или несколько мнемических процессов.

Следующий фрагмент – мнемический монолог, порожденный в рамках МС восстановления информации из памяти и репрезентирующий процесс воспоминания. Субъект МС обращается к содержимому своей памяти, пытаясь мысленно реконструировать

события предшествующего вечера. Вербальный продукт его мнемической деятельности принимает форму прямого письменного монолога, адресованного широкой аудитории читателей газеты *The Guardian*. Вербализуемый мнемический процесс эксплицитно маркируется, в первую очередь, на лексическом уровне глагольными единицами соответствующей семантики и существительным *memory*.

I wake up in bed, which is good, except that I don't remember how I got there. My last memory is of watching an intensely boring film while waiting for the oldest one to come home. I turn to ask my wife if he ever did come home, but she is not there.

After lying there for a while, I recall waking up on the couch in the dark, the boring film long since finished. I remember going up to the oldest one's bedroom to see if he'd returned during my unconsciousness, and finding his door shut. There is no doorknob on the outside, which is how he likes it. I remember making what now seems a rather rash deduction: he must be in there, because he can't shut his own door from the outside, because it has no doorknob. (The Guardian)

Я просыпаюсь в постели, и это хорошо, вот только я не помню, как ложился спать. Последнее, что я помню, это ужасно скучный фильм, который я смотрел, пока ждал, когда старший сын придет домой. Я поворачиваюсь, чтобы спросить у жены, вернулся ли он вообще, но ее нет рядом.

Полежав немного, я вспоминаю, как проснулся в темноте на диване, тот скучный фильм давно закончился. Я припоминаю, как поднялся в спальню старшего сына, чтобы посмотреть, не пришел ли он, пока я спал, и обнаруживаю, что дверь в комнату закрыта. Снаружи на двери нет ручки, сын так захотел. Я помню, как решил тогда, слишком опрометчиво, очевидно, что он у себя в комнате, потому что закрыть дверь снаружи он не мог из-за того, что на ней нет ручки. (Перевод мой – И.Т.)

В соответствии с данными картотеки, мнемический монолог является доминирующей формой вербального кодирования процессов памяти в естественном языке и коммуникации. Общая численность мнемических монологов в эмпирической базе исследования составляет 5588 единиц, что соответствует 74,51% от количества текстовых фрагментов, зарегистрированных в картотеке. Результаты анализа коммуникативных контекстов, вошедших в выборку, позволяют заключить, что мнемический монолог свободно функционирует как в условиях актуальной, так и виртуальной коммуникации, и может быть ориентирован на адресата любого типа. При этом в отдельных случаях мнемический монолог является единственной возможной формой высказывания-вербализатора.

Мнемический нарратив. Под **мнемическим нарративом** мы понимаем вербальную форму структурирования личных мнемических переживаний, перекодированных в повествовательную текстоструктуру с помощью средств естественного языка. Мнемический нарратив как одна из рекуррентных форм вербального кодирования памяти в естественном языке и коммуникации представляет собой устное или письменное повествование, сконструированное на основе личного опыта и предполагающее субъективную оценку нарратором описываемых событий. Результаты количественного анализа текстовых фрагментов, вошедших в картотеку исследования, позволяют заключить, что мнемический нарратив – наименее распространенная форма языковой репрезентации процессов памяти. В общей выборке насчитывается 443 мнемических нарратива, что в процентном выражении составляет 5,9% от суммы всех зарегистрированных мнемических высказываний.

В соответствии с полученными результатами, отражающими распределение мнемических высказываний по когнитивно-коммуникативным типам МС, возможно сделать следующие выводы о наличии связи между типом кодируемого мнемического процесса, коммуникативными условиями его вербализации и формой высказывания-вербализатора:

Каждый мнемический процесс, за исключением процесса помещения информации в память, потенциально может репрезентироваться в форме монолога, МДЕ или нарратива. Выбор конкретной формы высказывания-вербализатора определяется когнитивно-коммуникативным контекстом.

Структура и форма мнемического высказывания зависят среди прочего от фактора адресата. Диалогические реплики-вербализаторы процессов памяти имеют единичного (индивидуального, персонального) адресата в силу специфики диалогической коммуникации. Монологические высказывания могут быть как автоадресованными (в случае автокоммуникации), так и предназначенными для единичного, группового и массового (коллективного) адресата. Нарратив ориентирован на массового получателя, лишенного возможности непосредственного участия в коммуникации.

Сфера функционирования МДЕ как вербализатора процессов памяти в естественной коммуникации ограничивается актуальными МС, что связано с особенностями коммуникативного процесса в условиях виртуальной коммуникации, не предполагающей прямого контакта между отправителем и получателем, разделенными во времени и пространстве.

Мнемический нарратив как форма вербализации процессов памяти в коммуникации имеет наименьший коммуникативный потенциал, так как сфера его функционирования ограничивается коммуникацией на массовом уровне в условиях виртуальной опосредованной МС. Нарративная форма исключает возможность взаимодействия в актуальном режиме в силу различных причин, например, таких, как невозможность оперативного реагирования на коммуникативные действия других участников МС.

Мнемический монолог имеет широкую распространенность, при этом он лишен функциональных ограничений, свободно употребляется как в актуальной, так и в виртуальной коммуникации, что позволяет рассматривать его как универсальную форму вербального кодирования процессов памяти.

Дистрибуция высказываний-вербализаторов процессов памяти по типам МС представлена в Таблице 2.

В Главе III **«Структурно-коммуникативная и прагматическая организация мнемических высказываний»** рассматриваемые типы мнемических высказываний исследуются с точки зрения их структурно-коммуникативной и прагматической организации.

Раздел 3.1. посвящен изучению коммуникативных и прагматических аспектов функционирования МДЕ.

В отличие от мнемического монолога и мнемического нарратива сфера функционирования МДЕ ограничивается актуальными коммуникативными ситуациями, что объясняется спецификой диалогической коммуникации. Семантический потенциал МДЕ позволяет ему служить вербализатором всех основных процессов памяти. В целях получения детального описания МДЕ в работе была составлена типология данного вида мнемических высказываний в соответствии с мнемическим процессом, представленным в рамках эпизода коммуникативного обмена репликами.

Таблица 2. Дистрибуция мнемических высказываний по типам мнемических ситуаций

КОДИРУЕМЫЙ МНЕМИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС	ТИП МНЕМИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ									
	АКТУАЛЬНАЯ МНЕМИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ							ВИРТУАЛЬНАЯ МНЕМИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ		
	ПРЯМАЯ			ОПОСРЕДОВАННАЯ				ОПОСРЕДОВАННАЯ		
	Внутриличностная с последующей обратной связью	Межличностная с последующей обратной связью	Групповая с последующей обратной связью	Внутриличностная с обратной связью или без нее	Межличностная с последующей обратной связью	Групповая с последующей обратной связью или без нее	Массовая с последующей обратной связью или без нее	Межличностная с задержанной обратной связью или без нее	Групповая с задержанной обратной связью или без нее	Массовая с задержанной обратной связью или без нее
помещение информации в память	монолог	монолог / реплика диалога	монолог	монолог	монолог/реплика диалога	монолог	монолог	монолог	монолог	монолог
хранение информации в памяти	монолог	монолог / реплика диалога	монолог	монолог	монолог/реплика диалога	монолог	монолог	монолог	монолог	нарратив
восстановление информации из памяти	монолог	монолог / реплика диалога	монолог	монолог	монолог/реплика диалога	монолог	монолог	монолог	монолог	нарратив
утрата информации из памяти	монолог	реплика диалога	монолог	монолог	реплика диалога	монолог	монолог	монолог	монолог	нарратив

МДЕ «побуждение к запоминанию – реакция». Первым этапом мнемической цепочки, отражающей когнитивную деятельность индивида по обработке информации из внешних источников, является запоминание, то есть операция выборочной фиксации поступающих из окружающего мира сведений с целью их последующего воспроизведения. В соответствии с результатами анализа коммуникативных контекстов, вошедших в авторскую картотеку, процесс регистрации информации в памяти кодируется рекуррентной диалогической структурой, а именно, *МДЕ «побуждение к запоминанию – реакция»*, под которым мы понимаем *последовательность реплик-стимулов и реплик-реакций, объединенных микротемой запоминания, в которых иницилирующая реплика содержит призыв зафиксировать в памяти некоторые сведения, а ответная реплика является реакцией коммуниканта на данный призыв.*

Реплика-стимул МДЕ «побуждение к запоминанию – реакция» включает в себе информационный акт, то есть те сведения, которые, по мнению инициатора коммуникативного обмена, должен запомнить собеседник. Как правило, это личностно значимая информация, требующая установления логических и смысловых связей с уже имеющимися у субъекта знаниями. Например, следующий фрагмент представляет собой МДЕ «побуждение к запоминанию – реакция», в рамках которого коммуникант напоминает своему собеседнику о необходимости сохранения инкогнито.

“Leave in peace, Aro,” Carlisle said stiffly. “Please remember that we still have our anonymity to protect here, and keep your guard from hunting in this region.”

“Of course, Carlisle,” Aro assured him. “I am sorry to earn your disapproval, my dear friend. Perhaps, in time, you will forgive me.” (Meyer S. Breaking Dawn)

– *Оставь нас в покое, Аро, – сухо ответил Карлайл. – И помни, что мы намерены еще пожить в этих местах, поэтому передай свите, чтобы воздержались от охоты.*

– *Разумеется, Карлайл, – заверил Аро. – Огорчен, что вызвал твое неодобрение, друг мой. Надеюсь, когда-нибудь ты меня простишь. (Перевод М. Десятовой, О.И. Романовой)*

МДЕ «напоминание – реакция». Хранение информации в памяти – второй этап мнемической цепочки, предполагающий удержание поступивших извне сведений в памяти субъекта до момента их востребования. Процесс хранения, как правило, протекает в фоновом режиме и не вербализуется без соответствующей стимуляции. В качестве такого стимула, способствующего активации и обновлению удерживаемой в памяти информации, выступает напоминание. Результаты анализа эпизодов диалогического взаимодействия в МС хранения информации в памяти показали, что при указанных обстоятельствах рассматриваемый мнемический процесс репрезентируется рекуррентной диалогической структурой, которую мы называем **МДЕ «напоминание – реакция»**. МДЕ «напоминание – реакция» представляет собой последовательность реплик-стимулов и реплик-реакций, объединенных микротемой напоминания и оформляемых на основе стандартных стереотипных моделей. Иницирующая реплика МДЕ «напоминание – реакция» содержит обращение, напоминающее о каком-либо событии, ситуации или лице, а в ответной реплике вербализуется реакция носителя мнемического опыта, которая может быть позитивной, негативной или нейтральной.

Напоминая о чем-либо, коммуникант может ссылаться на некоторые события или ситуации в настоящем, прошлом или будущем. В соответствии с этим представляется возможным выделить три вида напоминания: синхронное, ретроспективное и проспективное. К *синхронным* напоминаниям относятся реплики, адресанты которых напоминают собеседникам о существующем положении вещей. *Проспективное* напоминание сообщает адресату о некоторых действиях, которые произойдут в будущем. *Ретроспективное* напоминание объединяет высказывания, отсылающие адресата к некоторым событиям, имевшим место в прошлом, как это продемонстрировано в следующем примере:

“You stopped in last week, Mr. Durden,” he says. “Don’t you remember?” (Palahniuk Ch. Fight Club)

– *Вы останавливались здесь на прошлой неделе, мистер Дерден, – говорит он. – Вы не помните? (Перевод А. Амзина)*

Коммуниканты, выступающие с коммуникативной инициативой в МС хранения информации в памяти, могут преследовать различные цели. Если коммуникативное намерение инициатора диалогического обмена заключается в активизации процесса обновления удерживаемой информации путем обращения к известным субъекту событиям или ситуациям, напоминание носит *дескриптивный характер*. Например, в МДЕ, представленных выше, иницирующие реплики МДЕ «напоминание – реакция» не содержат

стимула к выполнению каких-либо действий, выгодных адресанту, и служат исключительно триггером, активизирующим работу механизма памяти. Однако в случаях, когда коммуникант использует напоминание, чтобы склонить партнера по коммуникации к выполнению желаемых им действий, напоминание является *прескриптивным*.

МДЕ “запрос информации из памяти – реакция”. Результаты анализа 1469 МДЕ, зарегистрированных в эмпирической базе исследования, свидетельствуют, что в подавляющем большинстве случаев инициатором диалогического общения в МС хранения информации, воспроизведения информации из памяти и утраты информации является, как правило, не субъект МС, результат когнитивной деятельности которого перекодируется в вербальную форму, а его партнер по коммуникации, то есть для запуска указанных мнемических процессов, результат работы которых эксплицируется в языковых знаках, требуется информационный каузатор – внешний вербальный импульс, активирующий механизм памяти. *Последовательность реплик-стимулов и реплик-реакций, объединенных микротемой обращения к удерживаемой в памяти информации*, мы называем *МДЕ «запрос информации из памяти – реакция»*. Как правило, МДЕ «запрос информации из памяти – реакция» представляет собой одно или несколько вопросно-ответных единств, в которых иницирующая реплика содержит информационный каузатор, а ответные реплики представляют собой реакцию субъекта мнемических переживаний на данный стимул.

В соответствии с родом информации, вербализуемой субъектом мнемических процессов в рамках МДЕ «запрос информации из памяти – реакция», представляется возможным выделить две разновидности данного МДЕ: *персонализированное* и *деперсонализированное*. В персонализированном МДЕ «запрос информации из памяти – реакция» ответная реплика содержит информацию о личном опыте коммуниканта, значимых для него людях и событиях. Например, следующий фрагмент иллюстрирует коммуникативное взаимодействие в ситуации хранения информации в памяти. Информация, которую запрашивает инициатор коммуникативного обмена связана с прошлыми обстоятельствами, участниками которых были оба коммуниканта.

McThune cleared his throat and said, “Uh, yeah, once, Larry, remember Mark said something, or maybe I said something about ‘L.A. Law’, and then Mark said he might need a lawyer, but he was sort of kidding and we, or at least I, took it as a joke. Remember, Larry?”

Larry now remembered. “Oh, sure, yeah, something about ‘L.A. Law’. Just a joke though.”
(Grisham J. *The Client*)

– Помнишь, Ларри, Марк что-то такое сказал, или, может, это я сказал насчет «Закона в Лос-Анджелесе», и тогда Марк спросил, не нужен ли ему адвокат, но он вроде бы шутил, во всяком случае, я воспринял его слова как шутку. Помнишь, Ларри?

Теперь и Ларри вспомнил:

– Да, конечно, что-то насчет «Закона в Лос-Анджелесе». Просто шутка. (Перевод Т. Мату)

В деперсонализированном МДЕ «запрос информации из памяти – реакция» вербализуются сведения, не имеющие прямого отношения к личности участника коммуникации, но по какой-либо причине удерживаемые в его памяти. Например, в следующем фрагменте инициатор коммуникативного обмена интересуется у носителя мнемического опыта обстоятельствами, к которым тот имеет отношение не как участник, а как свидетель:

“You remember what day Boyette disappeared?” Barry had asked.

“Sure. January 16.” (Grisham J. The Client)

– Ты помнишь день, когда исчез Бойетт?

– Конечно. Шестнадцатое января. (Перевод Т. Мату)

МДЕ «побуждение к забыванию – реакция». Диалогическое взаимодействие партнеров по коммуникации в МС утраты информации из памяти может развиваться по сценарию, когда иницирующая реплика соответствующего МДЕ репрезентирует попытку коммуниканта вербально активировать процесс забывания у партнера, а в ответной реплике выражается реакция носителя мнемического опыта. Подобные МДЕ мы относим к типу МДЕ «побуждение к забыванию – реакция». МДЕ «побуждение к забыванию – реакция» представляет собой *последовательность реплик-стимулов и реплик-реакций, объединенных микротемой каузации забывания и оформленных на основе стандартных стереотипных моделей.*

В соответствии со степенью обязательности утраты мнемического следа иницирующие реплики МДЕ «побуждение к забыванию – реакция» разделяются на *императивные* и *рекомендательные*. Императивные стимулирующие реплики вербализуют бескомпромиссный призыв к коммуниканту удалить удерживаемую в памяти информацию и репрезентируются инъонктивными высказываниями. Например, в следующем фрагменте участник МС утраты информации из памяти настаивает на обязательном удалении всех мнемических следов, объясняя необходимость в этом соображениями безопасности:

“Forget everything.” *His voice was tense as he pleaded with me. The muscles at the side of his jaw were clenched. “If you want to be safe, you need to forget everything.”* (Cooper J.S. *Disillusioned*)

– *Забудьте обо всем, – попросил он меня, стиснув челюсти. В его голосе чувствовалось напряжение. – Ради вашей собственной безопасности вы должны все забыть.* (Перевод мой – И.Т.)

Рекомендательные реплики-стимулы МДЕ «побуждение к забыванию – реакция» также побуждают коммуниканта к удалению информации из памяти, но в менее ультимативной форме.

Таким образом, в соответствии с результатами аналитической обработки данных картотеки возможно заключить, что рассматриваемый тип мнемического высказывания является рекуррентной диалогической структурой, выступающей вербализатором процессов памяти в актуальных мнемических ситуациях помещения информации в память, хранения информации, восстановления и утраты информации. Ведущим признаком МДЕ, позволяющим отличить их от других единиц в пространстве диалога, является объединение реплик вокруг единого смыслового центра – темы мнемических процессов. Данный признак проявляется в особенностях коммуникативно-структурной организации рассматриваемых единиц и их прагматическом оформлении.

Раздел 3.2. посвящен изучению структурно-коммуникативных и прагматических аспектов функционирования мнемического монолога. Результаты анализа коммуникативных контекстов, вошедших в картотеку, позволяют заключить, что мнемический монолог – это рекуррентное средство вербального кодирования мнемической продукции субъекта, имеющее неограниченную сферу употребления. Основными признаками мнемического монолога являются относительная автономность, структурная гибкость и тематическое единообразие, обнаруживающее себя в концентрации внимания субъекта на собственных мнемических переживаниях на любой стадии когнитивной переработки.

В ходе исследования были выявлены и описаны структурные типы мнемического монолога, основанием для выделения которых стали параметры *экстериоризации / интериоризации* речи субъекта памяти и формы передачи речи носителя мнемического опыта. В соответствии с указанными критериями были выделены четыре структурных типа мнемического монолога: *внешний прямой мнемический монолог, внешний косвенный*

мнемический монолог, внутренний прямой мнемический монолог и внутренний косвенный мнемический монолог.

Следующий пример иллюстрирует результат когнитивной деятельности носителя мнемического опыта в ситуации хранения информации в памяти, выраженный в форме внешнего прямого мнемического монолога, и представляет собой комментарий читателя к публикации на сайте газеты *The Guardian*, в котором субъект МС делится своими воспоминаниями.

***I remember** seeing the poem about Sergeant Brown and his parrot on the underground (with an illustration by Posy Simmonds).*

***I remember** going into the same bookshop, again and again, just to leaf through “Making cocoa for Kingsley Amis”, again and again. And struggling to overcome the foolish parental voice from my childhood that kept saying “you can’t pay so many pounds just for a thin book of poems”.*

***I remember** overcoming that voice, and placing the book proudly in my room, as a first-bought “slim volume of poems”. (Old Possum’s Book of Practical Cats was to follow).*

***I remember** howling with laughter at “God And The Jolly Bored Bog-Mouse”, at the beautifully creative strength-of-wordplay in all the poems, getting vaguely mentally turned-on by “Summer Villanelle”...loving each and every one of the poems and their author.*

***I remember** once thinking “I love you, Wendy. Marry me.” The first sentence still holds. (The Guardian)*

Я помню, как увидел стихотворение о сержанте Брауне и его попугае в подземке (с иллюстрацией Позы Симмондс).

Я помню, как ходил в книжный, снова и снова, только чтобы полистать «Готовя какао Кингсли Эмису», снова и снова. И как пытался перечить дурацкому родительскому голосу из детства, который повторял мне, что «нельзя платить такие деньги за тонкий сборник стихов».

Я помню, как не подчинился голосу и как с гордостью поставил в своей комнате книгу – первый «тонкий томик стихов», который я купил сам. (За ним последовала «Популярная наука о кошках, написанная Старым Опоссумом»).

Я помню, как умирал от смеха над «Господом и умирающей от скуки полевкой» и изумительно оригинальной игрой слов во всех стихотворениях, испытывал внутреннее возбуждение, читая «Летнюю вилланеллу», восхищаясь каждым стихотворением и их автором.

Я помню, как подумал когда-то: «Я люблю тебя, Венди. Стань моей женой». Первое предложение до сих пор в силе. (Перевод мой – И.Т.)

При описании коммуникативно-информационной организации мнемического монологического высказывания мы принимали во внимание следующие параметры: степень подготовленности мнемического монолога, тип речевого поведения и направление когнитивной деятельности носителя мнемического опыта.

На основании первого параметра было выделено два типа: *подготовленный мнемический монолог* как средство вербального кодирования произвольных мнемических переживаний и *спонтанный мнемический монолог*, репрезентирующий мнемические переживания, не контролируемые субъектом. Например, мнемический монолог, приведенный выше, является подготовленным, о чем свидетельствуют, во-первых, сфера его функционирования (письменная речь) и, во-вторых, произвольный характер кодируемого процесса. Спонтанный ММ, в отличие от подготовленного, функционирует в устной речи и служит вербальной репрезентацией стихийной реакции субъекта на внешний стимул, активизирующий тот или иной мнемический процесс.

В соответствии со вторым параметром были выделены и описаны два типа: *мнемический монолог, отражающий речевое поведение инвертированной личности*, и

мнемический монолог, отражающий речевое поведение экстравертированной личности. Так, например, мнемический монолог читателя *The Guardian*, приведенный выше, несет в себе черты интровертного речевого поведения, так как интересы субъекта МС направлены, в первую очередь, на себя, события из личной жизни и собственные переживания. В мнемическом монологе, принадлежащем языковой личности экстравертированного типа, напротив, в фокусе внимания оказываются не личные ощущения, а объекты внешнего мира.

На базе коммуникативно-информационной структуры высказывания были выявлены три типа мнемического монолога согласно направлению когнитивной деятельности субъекта в прошлое, настоящее или будущее: *ретроспективный мнемический монолог, актуальный мнемический монолог и проспективный мнемический монолог.* Например, мнемический монолог, представленный выше, является ретроспективным, так как репрезентирует в вербальной форме когнитивную деятельность субъекта МС, ориентированную на события прошлого, их восстановление и повторное переживание. Когнитивная деятельность продуцента актуального мнемического монолога направлена на обработку и осмысление информации, удерживаемой в памяти в текущий момент, тогда как проспективный мнемический монолог выступает средством вербального кодирования результата когнитивной деятельности субъекта, направленной на общее осмысление, планирование, прогнозирование и оценку действий в будущем.

В соответствии с коммуникативной доминантой монологического высказывания было зарегистрировано три *коммуникативных типа: информационный, эмоциональный и аналитический.* При этом универсальным коммуникативным типом для мнемического монолога является аналитический: высказывания данного типа были обнаружены среди ретроспективных, актуальных и проспективных мнемических монологов. Информационный и эмоциональный тип представлены только ретроспективными и актуальными мнемическими монологами.

При анализе прагматической организации мнемического монолога мы исходили из концепции Т.А. ван Дейка о прагматических макроструктурах, в соответствии с которой мнемический монолог представляет собой макроструктуру, состоящую из отдельных высказываний, каждое из которых обладает собственной целевой установкой, однако в совокупности с другими элементами служит достижению общей цели. Результаты анализа линейной и глобальной прагматической структуры мнемического монолога показали, что в процессе вербального кодирования мнемического опыта носители английского языка отдают предпочтение определенным прагматическим типам высказываний, а именно: ассертивам, интеррогативам, директивам, экспрессивам и комиссивам. Иными словами, основные целевые установки субъектов при выражении мнемических переживаний посредством языка включают информирование партнера по коммуникации, запрашивание информации, побуждение к действию, указание на собственное психо-эмоциональное состояние и принятие обязательств.

Раздел 3.3. посвящен изучению структурно-коммуникативной и прагматической организации мнемического нарратива.

Как вербализатор памяти и ее процессов мнемический нарратив представляет собой структурированную дискурсивную форму, последовательно и логически воспроизводящую личный опыт субъекта (при возможном отступлении от хронологического порядка событий), включающую контекст, необходимый для интерпретации и аналитической обработки излагаемого, и несущую оценку значимости событий для нарратора и других субъектов. При этом формально мнемический нарратив может быть полностью *автономным*, то есть функционировать в качестве самостоятельного законченного текста, или *неавтономным (интегрированным)*, входящим в состав более крупного целого в качестве его фрагмента. Автономные мнемические нарративы могут воплощаться как в

крупных нарративных формах («больших нарративах»), так и в более скромных («малых нарративах»). Например, следующий фрагмент представляет собой отрывок из автономного «большого нарратива» – мемуаров Клары Крамер, еврейской девушки из польской Жолквы, чья семья провела полтора года в подземном бункере, спасаясь от фашистов, захвативших территорию нынешней Львовской области.

[...] Just for a moment everything was perfect. Nobody wanted to be any place else or thinking about anything else. If only she could have kept on singing. I knew as long as her voice, clear as sunlight and imbued with pure emotion, filled this hall, we were safe. And even as I knew all this, I also knew that her song would end and the open hearts of our Soviet masters turn back to stone. How much I loved my sister in that moment. The Soviets had no way of knowing that listening to my sister sing would only make us long for the life they were telling us to abandon. Our enemies, the Russian officers and party leaders, ruthless and sentimental, who killed and deported and tortured us, wept as children weep. The applause went on and on and on. Little Mania bowed as she was taught to bow and accepted red carnations from a Russian general. [...] (Kramer C. Clara's War. One Girl's Story of Survival.)

[...] На мгновение показалось, что все прекрасно. Никто не хотел оказаться в другом месте или думать о чем-то другом. Лишь бы только она не прекращала петь. Я знала, что пока в зале звучит ее голос, чистый как солнечный свет, полный искренних чувств, мы были в безопасности. И даже понимая это, я также знала, что песня закончится и открытые сердца наших советских хозяев снова превратятся в камень. Как я любила сестру в этот момент! Русские и не подозревали, что слушая, как поет моя сестра, мы еще больше мечтали о той жизни, которую нам приказывали забыть. Наши враги, советские офицеры и партийные руководители, безжалостные и сентиментальные, которые убивали, пытали и ссылали нас, плакали как дети. Аплодисментам не было конца. Маленькая Маня поклонилась, как ее научили, и взяла красные гвоздики у советского генерала. [...] (Перевод мой – И.Т.)

Как повествование о мнемических переживаниях нарратора, мнемический нарратив обладает не только четкой внешней формой, но и определенной внутренней структурой, отличающей все нарративы личностного опыта. Структура, о которой идет речь, получила детальное описание в трудах У. Лабова. Модель структуры нарратива личного опыта по У. Лабову включает шесть обязательных элементов, а именно: 1) резюме, отражающее суть повествования; 2) ориентацию, позволяющую локализовать описываемые события и действующих лиц во времени и пространстве; 3) последующие события, конкретизирующие, что именно случилось; 4) разрешение ситуации, указывающее на окончательный результат; 5) оценку произошедшего нарратором и 6) коду, сигнализирующую о выходе из нарративного режима [Labov 1972]. Данная структурная модель лежит в основе любого мнемического нарратива, однако в 297 из 443 мнемических нарративов, зарегистрированных в нашей картотеке, что составляет 67% от общего числа нарративных фрагментов в выборке, она выступает не в исходном виде, описанном У. Лабовым, а с некоторыми модификациями. В ходе анализа фактического материала нами были зарегистрированы следующие виды модификаций:

- 1) изменение порядка следования элементов;
- 2) вставка дополнительного элемента;
- 3) опущение одного из элементов.

Если первые два вида модификаций затрагивают содержательно значимые структурные компоненты мнемического нарратива, то последняя связана со второстепенными в содержательном плане элементами. Любые изменения, касающиеся отбора и последовательности компонентов повествования, обусловлены стратегией нарратора, подчиняющейся его основному замыслу.

При описании коммуникативно-информационной структуры мнемического нарратива в настоящей работе мы придерживаемся коммуникативной традиции изучения нарративных текстов, которая предполагает рассмотрение в качестве ключевых двух параметров коммуникативно-информационной структуры: параметр нарратора и параметр содержания.

Фактор нарратора как субъекта мнемического процесса является определяющим для коммуникативно-информационной организации мнемического нарратива. Отбор содержания, динамика и ориентация повествования детерминируются позицией носителя мнемического опыта. В соответствии с данными картотеки возможно выделить два типа нарратора в мнемическом нарративе: *нарратор-участник* и *нарратор-наблюдатель*.

Результаты анализа фактического материала, представленного в авторской картотеке, а именно 443 нарративных фрагментов, позволили выделить следующие *тематические доминанты* субъектно-ориентированного мнемического нарратива: семья; чувства; жизненный или исторический период; выдающееся событие; трагедия или негативный опыт. Для мнемических нарративов с нарратором-наблюдателем были зарегистрированы следующие виды тематических доминант: личная жизнь другого лица; жизненный или исторический период; выдающееся событие; трагедия или негативный опыт. Таким образом, возможно заключить, что ряд тем, связанных преимущественно с окружающим миром и событиями в нем, являются универсальными как для нарратора-участника, так и для нарратора-наблюдателя, в то время как тематические доминанты, затрагивающие личную сферу, являются специфическими для мнемических нарративов, в которых субъект мнемического опыта занимает позицию активного участника описываемых событий.

Конструируя повествование на основе своего индивидуального мнемического опыта, нарратор не только делится с адресатом собственной версией и интерпретацией прошлых событий, но и неизбежно выражает личное отношение к описываемой ситуации. В соответствии с субъективной оценкой нарратором личного мнемического опыта возможно выделить: мнемический нарратив, репрезентирующий позитивный опыт; мнемический нарратив, репрезентирующий негативный опыт; мнемический нарратив, репрезентирующий нейтральный опыт и мнемический нарратив, репрезентирующий амбивалентный опыт.

Прагматическая организация мнемического нарратива определяется, в первую очередь, ракурсом повествования, выбранным нарратором как носителем мнемического опыта. Следствием субъективной селекции информации, восстанавливаемой из памяти, и способа ее реконструкции является приоритизация повествования, то есть расположение значимых фрагментов мнемического нарратива в соответствии с логикой вспоминающего субъекта.

В Главе IV «**Лексико-грамматическая организация мнемического высказывания**» выявляются и описываются лексико-грамматические характеристики мнемического высказывания с учетом особенностей, присущих каждому типу.

В *Разделе 4.1.* представлены результаты качественного и количественного анализа системы лексико-семантических средств мнемического высказывания в англоязычной коммуникации.

Анализ мнемических высказываний, зарегистрированных в картотеке исследования, позволил выделить следующие группы единиц, участвующих в манифестации процессов памяти на лексическом уровне: глаголы с системным значением памяти, глагольные коллокации памяти, неглагольные единицы мнемической семантики и лексические единицы других семантических групп, приобретающие значение памяти в результате метонимического переноса.

Например, следующий фрагмент иллюстрирует коммуникативный обмен между двумя участниками МС помещения информации в память. В репликах обоих

коммуникантов в рамках МДЕ «побуждение к запоминанию – реакция» соответствующий процесс памяти манифестируется мнемическим глаголом *remember*. В иницирующей реплике *remember* выступает каузатором процесса запоминания у субъекта МС, тогда как реагирующая реплика вербализует намерение коммуниканта зафиксировать в памяти требуемую информацию.

*“Sweetie... I’m sure you’re doing what’s best for you. But just **remember**, you only get your youth once”. She looks at my hand, smooth against hers. “You only get these precious years once”.*

*“I’ll **remember**”. I bite my lip. “I promise”. (Kinsella S. *The Undomestic Goddess*.)*

Милая, я уверена, что ты поступаешь как должна. Только помни – юность дается всего однажды. – Она погладила мою руку. – Потом эти драгоценные годы уже не вернуть. – Я запомню. – Я закусила губу. – Обещаю. (Перевод В. Рединой)

Помимо глагольных конститuentов семантической группы глаголов памяти, к основным средствам манифестации мнемических процессов на лексическом уровне мы относим также глагольные коллокации памяти, которые представляют собой рекуррентные лексические маркеры мнемических процессов, выступающие в качестве функциональных эквивалентов глаголов, номинирующих процессы памяти напрямую. Иными словами, в ходе обработки эмпирических данных мы рассматривали только устойчивые выражения с глагольным ядром, используемые как контекстуальные синонимы глаголов со значением памяти. Например, *“to have a flashback” (= recall)*, *“to stir up in memory” (= remember)*, *“to wipe from memory” (= forget)* и т.п.

Анализ коммуникативных контекстов, входящих в нашу выборку, показал, что глагольные коллокации памяти, маркирующие мнемические процессы в различных типах мнемических высказываний и функционально эквивалентные глаголам со значением памяти, характеризуются стабильной структурой, в основе которой лежит несколько регулярных моделей, и демонстрируют ряд функциональных закономерностей. Например, в следующем фрагменте воспоминание на лексическом уровне маркируется глагольной коллокацией, образованной по модели *Verb + Mnemonic Noun + Preposition*:

*I **have a flashback to** Sadie’s anguished cry at the funeral service, and feel a shiver of anxiety. (Kinsella S. *Twenties Girl*)*

Пронзительный вопль Сэди на похоронах так и звучит в моих ушах, и меня бросает в дрожь. (Перевод Н. Пархомовской)

Помимо глаголов мнемической семантики и глагольных коллокаций памяти, эксплицитным маркером мнемических процессов в условиях коммуникативного обмена между англоязычными участниками мнемической ситуации выступает неглагольная лексика со значением памяти. К данному типу лексических маркеров мнемических процессов мы относим, в первую очередь, имена существительные и прилагательные со значением памяти, не входящие в состав глагольных коллокаций мнемической семантики в качестве ключевого компонента. Например, в следующем фрагменте процесс восстановления информации из памяти на лексическом уровне маркирован существительным *reminiscence*:

*My **reminiscences** are rudely broken by a call from my permanent acting company – Raymond Box – complaining that he’s trying to learn his lines but can’t read my hand-writing. (The Guardian)*

Мои воспоминания грубо прерываются телефонным звонком от Рэймонда Бокса, члена труппы. Он жалуется, что не может выучить роль из-за моего почерка, который невозможно разобрать. (Перевод мой – И.Т.)

По данным картотеки исследования, группа существительных с ядерным значением памяти и ее процессов включает шесть единиц (*memory, recollection, recall, remembrance, reminiscence* и *flashback*), из которых, однако, ни одна лексема не способна

функционировать в качестве самостоятельного маркера мнемических процессов. Следствием функциональных ограничений рассматриваемых лексем является специфика их употребления участниками мнемической ситуации: как правило, данные единицы встречаются в контекстах, в которых вербализуемый мнемический процесс эксплицитно маркирован другими средствами, что позволяет сделать вывод о вспомогательной роли рассматриваемой группы лексических единиц в маркировании процессов памяти в ходе коммуникации между англоязычными участниками мнемической ситуации.

Помимо лексики, для которой значение памяти является основным, анализ фактического материала позволил выявить значительный пласт лексических единиц немнемической семантики, приобретающих значения, ассоциированные с памятью и ее процессами, в результате метонимического переноса. На основании полученных результатов мы считаем возможным выделить следующие тематические группы слов в рамках данного пласта лексики: 1) тематическая группа ментальных процессов и состояний, 2) тематическая группа чувственного восприятия, 3) тематическая группа движения и 4) тематическая группа прошлого опыта.

Например, следующий фрагмент иллюстрирует употребление глагола зрительного восприятия *“to see”* в качестве дополнительного маркера процесса извлечения информации из памяти. Представленный отрывок – часть большого нарратива личного опыта, субъект которого делится с читателями воспоминаниями о годах фашистской оккупации. Рассматриваемая лексическая единица не номинирует процесс воспроизведения из памяти напрямую, однако, описывая события, восстанавливаемые нарратором из памяти, как поддающиеся визуализации, акцентирует внимание на их живости и постоянном присутствии в памяти носителя мнемического опыта. Соответствующий контекст, способствующий актуализации данного значения, на лексическом уровне создается глагольной коллокацией *“have a memory”*, которая на небольшом текстовом отрезке повторяется трижды с различными определяющими словами перед ключевым существительным. На морфологическом уровне сигналами мнемического повествования, указывающими на временной разрыв между описываемыми событиями и моментом воспоминания о них, выступают темпоральные наречия *“still”* и *“now”*.

I have such a strong memory of everything that happened in the bunker for the 18 months we were there. I can still see every detail if I close my eyes. But I have little memory of the rest of that day. I don't know how we survived for so long without air. I know we prayed. We must have prayed. If there was conversation, I have no memory of it. If there were tears I didn't hear them. If the children cried, I couldn't tell you now. (Kramer C. Clara's War. One Girl's Story of Survival)

Я отчетливо помню все, что происходило в бункере за те полтора года, что мы там скрывались. Стоит мне закрыть глаза, я до сих пор вижу все в мельчайших подробностях. Но я плохо помню, что еще случилось в тот день. Я не знаю, как мы выжили, просидев так долго без воздуха. Я знаю, что мы молились. Мы не могли не молиться. Возможно, мы говорили о чем-то, но я этого не помню. Если мы и плакали, то я не слышала плача. Дети, наверное, плакали, но сейчас я уже не вспомню. (Перевод мой – И.Т.)

Таким образом, коммуникативный обмен между участниками мнемической ситуации на лексическом уровне обеспечивается достаточно разнообразным арсеналом как автономных, так и неавтономных средств, позволяющих репрезентировать любой из этапов мнемической цепочки.

Раздел 4.2. посвящен рассмотрению специфики грамматической организации мнемических высказываний.

Связь памяти со временем, репрезентирующимся в языке посредством понятийной категории темпоральности, определила выбор ключевых параметров анализа морфологической структуры мнемического высказывания. Вопреки стереотипным, но не

обоснованным с точки зрения современных концепций памяти, представлениям об объективации мнемических процессов исключительно посредством форм прошедшего времени, результаты аналитической обработки эмпирической базы исследования показали, что на морфологическом уровне вербализаторами процессов памяти в англоязычной коммуникации могут выступать глагольные формы, принадлежащие сфере как прошлого, так и настоящего и будущего.

В соответствии с полученными результатами, в манифестации мнемических процессов на морфологическом уровне задействовано десять видо-временных форм английского глагола, из которых только четыре формы принадлежат сфере прошедшего, таким образом, говорить об их абсолютном доминировании над другими глагольными формами не приходится. При этом наибольшим потенциалом относительно маркирования процессов памяти в англоязычной коммуникации обладают формы *Present Indefinite*, *Present Continuous* и *Future Indefinite*, зарегистрированные нами в качестве морфологических маркеров каждого из этапов мнемической обработки информации. Формы *Past Indefinite*, *Past Continuous* и *Future Continuous* также принимают активное участие в вербальном кодировании мнемического опыта, выступая маркерами всех процессов памяти, за исключением запоминания.

При этом ряд форм можно охарактеризовать как стержневые, так как именно они задают основу темпоральной локализации высказывания, тогда как другие формы, принадлежащие той же временной сфере, выполняют второстепенные функции, не являясь ведущими. Например, среди времен группы прошедшего стержневым в мнемических высказываниях различных типов является *Past Indefinite*, тогда как формам *Past Perfect*, *Past Continuous* и *Past Perfect Continuous* отводятся роли второго плана. Следующий фрагмент иллюстрирует функционирование видо-временных форм глагола в мнемическом нарративе:

I sat on the swing and pushed off and tried to remember what I could. The school was familiar. I had a flash of walking down the hall to the cafeteria, jumping between the black and white checked tiles. My second-grade teacher was Ms. Klee. Someone in my class had spilled water on my art project, and when I cried, Ms. Klee let me be the leader of the line for the whole week. I'd broken my arm in this playground. I'd been standing on the swing, and when I jumped off, my pants got snagged in the chain, and I fell face-first and broke the fall by sticking my arm out. My memories felt almost like photographs, short images, some bright and clear, others distant and fuzzy. Some disappeared entirely the moment I tried to focus on them. There were also big black holes. I could remember breaking my arm, but when I tried to remember Mom taking me to the hospital, there was nothing. I remembered Ms. Klee being nice to me, but I couldn't even remember who my teacher was in fourth grade. (Cook E. Remember)

Я села на качели, оттолкнулась и постаралась все вспомнить. Школа казалась знакомой. Внезапно перед глазами промелькнула картинка, как я вприпрыжку иду в столовую по коридору с черной и белой плиткой на полу. Во втором классе моей учительницей была Мисс Кли. Кто-то из класса пролил воду на мой рисунок, и когда я расплакалась, Мисс Кли позволила мне стоять во главе строя целую неделю. На этой площадке я сломала руку. Я стояла на качелях, а потом спрыгнула с них, но штаны зацепились за цепь, и я упала лицом вниз, выставив перед собой руку. Воспоминания похожи на фотографии, лаконичные зарисовки. Некоторые четкие и яркие, другие отдаленные и смазанные. Некоторые исчезают, как только я пытаюсь сконцентрироваться на них. Есть еще и огромные провалы в памяти. Я вспомнила, как сломала руку, но когда я пытаюсь вспомнить, как мама повезла меня в больницу, ничего не выходит. Я помню, что Мисс Кли была добра ко мне, но я даже не могу вспомнить, кто учил меня в четвертом классе. (Перевод мой – И.Т.)

В рассматриваемом примере события, излагаемые нарратором, лежат в поле прошлого. Соответствующий темпоральный план формируется, в первую очередь, формой *Past Indefinite*, число употреблений которой во фрагменте равно 20, или 77% от общего количества глагольных форм в отрывке. Однако, помимо *Past Indefinite*, темпоральный план мнемического нарратива формируется также другими глагольными формами, относящимися к сфере прошедшего, а именно: *Past Perfect* (2 формоупотребления, или 7,7% от общего количества), *Past Perfect Continuous* (1 формоупотребление, или 3,8% от общего количества) и модальным глаголом *could* со значением действия в прошлом (3 формоупотребления, или 11,5% от общего количества). Таким образом, не являясь стержневыми для данного мнемического высказывания, формы *Past Perfect*, *Past Perfect Continuous* и модальный глагол *could*, тем не менее, принимают участие в маркировании мнемической деятельности на морфологическом уровне. На их совокупную долю приходится 6 формоупотреблений из 26, что составляет около 23% от общего количества глагольных форм в рассматриваемом фрагменте.

Среди коммуникативных контекстов, входящих в авторскую картотеку, нами были зарегистрированы фрагменты с неоднородной темпоральной структурой, характеризующейся наличием двух или трех темпоральных планов, что позволило нам выделить три типа темпоральной структуры мнемического высказывания: *монотемпоральный*, *битемпоральный* и *политемпоральный*. На последующих этапах аналитической обработки языкового материала были выявлены корреляционные связи между типом мнемического высказывания и особенностями его темпоральной организации. Так, например, среди МДЕ нами не было зафиксировано ни одного высказывания, темпоральная структура которого включала бы сразу три временных плана. Также было установлено, что отдельным типам мнемических высказываний, характеризующихся битемпоральной или политемпоральной структурой, соответствуют рекуррентные комбинации временных планов.

На основании полученных результатов можно сделать вывод о том, что самым распространенным типом темпоральной структуры мнемического высказывания является битемпоральный, сочетающий в себе два временных плана. Данный тип был зарегистрирован нами для всех видов высказываний в мнемической ситуации. Битемпоральная структура представлена следующими комбинациями: 1) ирреальное + настоящее, 2) ирреальное + будущее, 3) настоящее + будущее и 4) настоящее + прошлое.

Например, следующий фрагмент представляет собой МДЕ «запрос информации из памяти – реакция», темпоральная структура которого организована в соответствии с принципом битемпоральности и подчиняется схеме «настоящее + будущее». Иницирующая реплика содержит обращение к памяти субъекта МС, относящееся к плану настоящего. Инициатор диалогического обмена интересуется наличием в памяти собеседника определенных данных. Битемпоральность МДЕ проявляется в ответной реплике, где носитель мнемического опыта подтверждает факт хранения запрашиваемых сведений в настоящий момент и декларирует намерение поддерживать их в актуальном состоянии в будущем.

“Do you remember what he did look like?”

“Anastasia, this isn’t a part of my life I revisit very often. Yes, I remember what he looked like. I’ll never forget him.” (James E.L. Fifty Shades Darker)

– Ты помнишь, как он выглядел?

– Анастейша, в эту часть моей жизни я стараюсь не заглядывать. Да, я помню его внешность. Я никогда его не забуду. (Перевод И. Гиляровой)

Результаты анализа коммуникативных контекстов, входящих в нашу картотеку, позволили выделить также два класса темпоральных адвербиалов, участвующих в

маркировании мнемической деятельности на грамматическом уровне в процессе взаимодействия между англоязычными коммуникантами: **локализаторы**, соотносящие мнемическое событие с некоторым фиксированным или условным временным ориентиром, и **корреляторы**, характеризующие мнемическое событие относительно какого-либо другого события. Например, в следующем фрагменте из мнемического монолога, вербализующего процесс воспоминания, мнемическое событие, реконструируемое из памяти, имеет четкую точечную локализацию на временной оси, не зависящую от момента речи и позиции субъекта мнемической ситуации. Абсолютным временным ориентиром является указание на год совершения действия.

I recall seeing her first as Nina in The Seagull at the Lyric Hammersmith in 1985. (The Guardian)

Я помню, как впервые увидел ее в 1985 году в театре «Лирика» в Хаммерсмите. Она играла Нину в «Чайке». (Перевод мой – И.Т.)

Во фрагменте, приведенном ниже, мнемическое событие, о котором вспоминает говорящий, локализуется во времени посредством абсолютного локализатора “*in the mid 1970s*”, задающего определенный интервал в прошлом, граница которого далее конкретизируется коррелятором предшествования, выраженным придаточным времени “*before I started primary school*”. Таким образом, темпоральный коррелятор, уточняющий координаты мнемического события относительно другого действия, служит дополнительным маркером вербального кодирования мнемической деятельности и позволяет локализовать информационный акт процесса памяти с большей точностью.

My earliest cinematic memory is watching a film one afternoon in the mid 1970s with my mother before I started primary school. (The Guardian)

Мои первые воспоминания о кино – это просмотр фильма вместе с мамой в середине 1970-х, еще до того, как я стал ходить в начальную школу. (Перевод мой – И.Т.)

В результате анализа эмпирического материала было установлено, что возможности различных конститuentов класса темпоральных адвербиалов относительно манифестации мнемических процессов неодинаковы. Так, в частности, абсолютные локализаторы были зарегистрированы нами в мнемических высказываниях, репрезентирующих процессы воспоминания и забывания, но не были зафиксированы как маркеры запоминания и хранения в памяти, что, на наш взгляд, объясняется, в первую очередь, природой мнемических процессов. Максимальным потенциалом в отношении маркирования мнемической деятельности обладают темпоральные корреляторы, так как локализации через последующее, синхронное или предшествующее действие поддаются информационные актаны всех процессов памяти, как проспективно, так и ретроспективно ориентированных.

Таким образом, как показывает исследование, мнемическое высказывание обладает сложной многокомпонентной лексико-грамматической структурой, в основе которой лежит исходная или контекстуально обусловленная семантика памяти и мнемических процессов, на которую накладываются грамматические значения темпоральной локализации. При этом маркированность различных типов мнемического высказывания как на лексическом, так и на морфологическом уровне неодинакова. В соответствии с полученными результатами, возможно заключить, что мнемический нарратив как самый ригидный (то есть не предполагающий последующих модификаций с поправкой на получателя) тип мнемического высказывания нуждается в лексических и морфологических маркерах мнемических процессов в большей степени в силу своего объема, условий продуцирования и особенностей нарративного формата, которому свойственны политематичность, политемпоральность, аналитичность и рефлексивность. МДЕ представляет собой наиболее гибкий в этом отношении тип мнемического высказывания, так как обстоятельства его

порождения дают субъекту МС бóльшую свободу в выборе средств вербального кодирования собственных мнемических переживаний и позволяют адаптировать форму и содержание высказывания с учетом особенностей партнера по коммуникации. Наконец, мнемический монолог отличается средними количественными показателями, отражающими «насыщенность» лексико-грамматическими маркерами процессов памяти, что, на наш взгляд, объясняется широтой его сферы распространения, включающей актуальные и виртуальные мнемические ситуации, принадлежащие как прямой, так и опосредованной коммуникации.

В Заключение подводятся итоги диссертационного исследования и намечаются дальнейшие перспективы.

Одним из концептуальных оснований проведенной работы послужило положение А.А. Залевской о языке как достоянии индивида, которое «не может существовать (усваиваться и использоваться) в отрыве от других психических процессов человека, включенного в определенное физическое и социальное окружение» [Залевская 2007: 4], в связи с чем включение памяти как высшей психической функции в круг объектов лингвистического описания представляется логичным и закономерным, а изучение принципов функционирования механизма вербализации мнемического содержания может дать начало *лингвомнемологии* как новому направлению лингвистического поиска, которое объединит и гомогенизирует исследования природы человеческой памяти в ее связи с естественным языком.

Обогащение теоретико-методологического аппарата лингвистики за счет теоретических положений когнитивной психологии и теории коммуникации, комбинирование методов исследования и использование трех подкорпусов фактических данных, собранных из разных источников, в качестве эмпирической базы работы, позволили разработать концептуальные основания *когнитивно-коммуникативной концепции мнемической деятельности*, позволяющей интегрировать отдельные факты речевой практики в единую систему средств вербального кодирования мнемической деятельности и продемонстрировать наличие устойчивых рекуррентных моделей, в соответствии с которыми развивается речевое взаимодействие участников мнемической ситуации. Таким образом, в рамках разрабатываемой когнитивно-коммуникативной концепции мнемической деятельности получают решение вопросы вербального «упаковывания» информации о мнемических переживаниях субъекта, обозначенные нами как проблемные и ранее не получившие однозначного ответа в науке о языке.

В основу когнитивно-коммуникативной концепции мнемической деятельности положена гипотеза о наличии устойчивых паттернов экспликации мнемического содержания в языковых знаках в процессе естественной коммуникации и их когнитивно-коммуникативной обусловленности. Стратегия триангуляции потребовала двухэтапной верификации данной гипотезы – с привлечением теоретических и эмпирических данных. На первом этапе была разработана теоретическая модель вербального кодирования мнемической деятельности, учитывающая когнитивные (этап когнитивной переработки информации) и коммуникативные (форма и уровень коммуникации, канал ее осуществления и наличие обратной связи) параметры ситуации продуцирования высказывания-вербализатора. В соответствии с данной моделью на заключительном этапе порождения высказывания в рамках мнемической ситуации при переводе промежуточного кода, кодирующего ментальную репрезентацию, которая отражает соответствующий личностно значимый опыт, в вербальный код формат языкового оформления мнемического содержания и лингвистические особенности высказывания-вербализатора детерминируются спецификой вербализуемого мнемического процесса и коммуникативным контекстом.

Принципиальное отличие предлагаемой авторской концепции мнемической деятельности состоит в обращении к коммуникативному контексту как к ключевому фактору, определяющему формат вербального представления мнемической деятельности наряду с когнитивными условиями, действующими в момент непосредственной вербализации. Включение в исследовательский фокус релевантных коммуникативных факторов позволяет установить системные связи между мнемическим содержанием и способами его кодирования в естественном языке. Проведенный анализ показал, что результаты работы механизма индивидуальной памяти субъекта фиксируются в языке и транслируются не в произвольной форме, а в соответствии с определенными когнитивно-коммуникативными факторами, действующими в момент коммуникативного взаимодействия. Содержательная валидность предлагаемой теоретической модели подтверждена эмпирически.

Ключевые теоретические положения когнитивно-коммуникативного подхода, разработанного в диссертации, могут найти применение при исследовании иных лингвопсихических функций. В частности, анализ ситуаций, в рамках которых манифестируется тот или иной вид когнитивной деятельности, с учетом коммуникативных факторов позволит обобщить языковые факты и обнаружить регулярность в использовании определенных способов вербализации соответствующих когнитивных процессов, а также описать комплекс языковых средств, оформляющих данный вид деятельности, как систему, базирующуюся на определенных принципах.

Настоящее исследование является первым в лингвистике опытом комплексного изучения вербального кодирования индивидуальной памяти как когнитивной системы организации личного опыта, включающей процессы запоминания, хранения, воспоминания и забывания. Дальнейшее исследование механизма вербализации мнемической деятельности целесообразно проводить с учетом действия лингвокультурных, гендерных и психолого-возрастных факторов. Возможным вектором исследовательского поиска может стать изучение особенностей вербального оформления специфического (например, негативного, травматического) мнемического опыта, а также опыта лиц с различными психическими расстройствами. Необходимость видится и в сравнительно-сопоставительном изучении специфики вербального кодирования мнемического содержания в разноструктурных языках и разных типах культуры, исследовании особенностей репрезентации индивидуальной памяти и ее отдельных процессов в различных дискурсивных практиках, в том числе в мемориальном и автобиографическом дискурсах.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

Монография

1. Тивьяева И.В. Фиксация и трансляция индивидуальной памяти средствами естественного языка / И.В. Тивьяева. – М.: Флинта: Наука, 2018. – 224 с. (13 п.л.).

Публикации в научных изданиях, включенных

в информационно-аналитические базы данных Scopus и Web of Science

2. Tivyaeva I. Representation of retrospective memory and communicative context. *Jezikoslovlje*. 2014. Vol. 15. No.2-3. P. 283-306 (1,5 п.л.).

3. Tivyaeva I. Sharing Autobiographical Memories in English Computer-Mediated Discourse: A Linguist's Perspective. *Brno Studies in English*. 2017. Vol. 43. No. 2. P. 57-78. DOI: 10.5817/BSE2017-2-3 (1,5 п.л.)

4. Тивьяева И.В. Темпоральные адвербиалы как элемент вербального кодирования мнемической деятельности / И.В. Тивьяева // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2018. – Т. 17, № 1. – С. 124-133. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.1.13> (0,8 п.л.).

**Статьи, опубликованные в ведущих российских периодических изданиях,
рекомендованных ВАК**

5. Тивьяева И.В. Ретроспективный нарратив как форма репрезентации процессов хранения и восстановления информации из памяти / И.В. Тивьяева // Известия Тульского государственного университета. Сер. Гуманитарные науки. – Вып. 2. – 2010. – С. 436-440 (0,3 п.л.).

6. Тивьяева И.В. К вопросу о мнемической ситуации и ее составляющих / И.В. Тивьяева // Известия Тульского государственного университета. Сер. Гуманитарные науки. – Вып. 1. – 2011. – С. 604-610 (0,4 п.л.).

7. Тивьяева И.В. Речеактовая структура монологического высказывания ретроспективной направленности / И.В. Тивьяева // Известия Тульского государственного университета. Сер. Гуманитарные науки. – Вып. 3. – Т.2. – 2011. – С. 490-494 (0,3 п.л.).

8. Тивьяева И.В. Диалогическое общение в ситуации восстановления информации из памяти / И.В. Тивьяева // Известия Тульского государственного университета. Сер. Гуманитарные науки. – Вып. 1. – Ч. 2. – 2012. – С. 426-430 (0,3 п.л.).

9. Тивьяева И.В. Ретроспективное повествование в художественном дискурсе / И.В. Тивьяева // Наука о человеке: гуманитарные исследования. №1 (9). – 2012. – С. 129-132 (0,2 п.л.).

10. Тивьяева И.В. Структурно-коммуникативные типы ретроспективного монолога в публицистическом дискурсе / И.В. Тивьяева // Известия Тульского государственного университета. Сер. Гуманитарные науки. – Вып. 3. – 2012. – С. 576-581 (0,4 п.л.).

11. Тивьяева И.В. Грамматические особенности мнемического диалога / И.В. Тивьяева // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – № 2. – 2013. – С. 44-48 (0,3 п.л.).

12. Тивьяева И.В. Коммуникативно-прагматические параметры диалогического общения в мнемической ситуации хранения информации в памяти / И.В. Тивьяева // Известия Тульского государственного университета. Сер. Гуманитарные науки. – Вып. 2. – 2013. – С. 332-341 (0,6 п.л.).

13. Тивьяева И.В. Мнемическое высказывание и процедура его идентификации / И.В. Тивьяева // Вестник Томского государственного университета. – № 372. – 2013. – С. 45-48 (0,5 п.л.).

14. Тивьяева И.В. Ретроспективный монолог в публицистическом дискурсе / И.В. Тивьяева // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. – №1 (22). – 2013. – С. 237-240 (0,5 п.л.).

15. Тивьяева И.В. Изучение проблемы текстового времени в отечественной лингвистике / И.В. Тивьяева // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. – № 1. – 2014. – С. 348-357 (0,6 п.л.).

16. Тивьяева И.В. Теоретические подходы к исследованию памяти в современном отечественном языкознании / И.В. Тивьяева // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – № 4. – 2016. – С. 165-170 (0,4 п.л.).

17. Тивьяева И.В. Вербализация мнемического опыта: в поисках языковой единицы памяти / И.В. Тивьяева // Теория языка и межкультурная коммуникация. – № 1 (24). – 2017. – С. 67-76 (0,6 п.л.).

18. Тивьяева И.В. Вербальное кодирование актуального мнемического опыта в монологической коммуникации / И.В. Тивьяева // Теория языка и межкультурная коммуникация. – № 3 (26). – 2017. – С. 102-108 (0,4 п.л.).

19. Тивьяева И.В. Когнитивно-коммуникативный подход к исследованию языковой репрезентации процессов памяти / И.В. Тивьяева // Вопросы психолингвистики. – № 1 (31). – 2017. – С. 124-138 (0,9 п.л.).

20. Тивьяева И.В. Лексика немнемической семантики как элемент вербальной манифестации процессов памяти / И.В. Тивьяева // Вестник ПНИПУ. Проблемы языкознания и педагогики. – № 1. – 2018. – С. 59-70. DOI: 10.15593/2224-9389/2018.1.6 (0,8 п.л.).

21. Тивьяева И.В. Неглагольная лексика с семантикой памяти как маркер вербализации мнемического содержания / И.В. Тивьяева // Теория языка и межкультурная коммуникация. – № 2 (29). – 2018 (0,7 п.л.).

Научные статьи и материалы конференций

22. Тивьяева И.В. Диалогическое единство «напоминание – реакция» в современном английском языке / И.В. Тивьяева // Актуальные проблемы лингводидактики и лингвистики: сущность, концепции, перспективы: Материалы международной научно-практической конференции. Т. 2. Актуальные проблемы лингвистики. – Волгоград: Парадигма, 2008. – С. 255-260 (0,4 п.л.).

23. Тивьяева И.В. Репрезентация воспоминаний литературных героев в художественном тексте / И.В. Тивьяева // Вестник Тульского государственного университета. Сер. Актуальные проблемы лингвистики и перевода. – Вып. 2. – 2008. – С. 91-98 (0,5 п.л.).

24. Тивьяева И.В. Вербализация воспоминания в межличностной коммуникации / И.В. Тивьяева // Актуальные проблемы лингводидактики и лингвистики: сущность, концепции, перспективы: материалы II Международной научно-практической конференции / под ред. Л.А. Миловановой. – Т. 2. – Актуальные проблемы лингвистики. – Волгоград: Парадигма, 2009. – С. 289-293 (0,3 п.л.).

25. Тивьяева И.В. Ретроспективное диалогическое единство в современном английском языке / И.В. Тивьяева // Вестник Тульского государственного университета. Сер. Актуальные проблемы лингвистики и перевода. – Вып. 3. – 2009. – С. 89-97 (0,5 п.л.).

26. Тивьяева И.В. Средства выражения напоминания в современном английском языке / И.В. Тивьяева // Материалы Международной научно-практической конференции “Язык и межкультурная коммуникация” / отв. ред. О.А. Александрова, О.С. Макарова. – Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2009. – С. 213-216 (0,2 п.л.).

27. Тивьяева И.В. Диалогическое единство “побуждение к запоминанию – реакция” в современном английском языке / И.В. Тивьяева // Лингво-Профи: материалы Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. – Владимир: ВГГУ, 2010. – С. 339-342 (0,2 п.л.).

28. Тивьяева И.В. Коммуникативно-прагматические особенности реплик-реакций на напоминание в рамках межличностного общения / И.В. Тивьяева // Вестник Тульского государственного университета. Сер. Актуальные проблемы лингвистики и лингводидактики. Вып. 1. – 2010. – С. 80-87 (0,5 п.л.).

29. Тивьяева И.В. Коммуникативно-прагматические характеристики ретроспективного монолога / И.В. Тивьяева // Вопросы филологии и журналистики. – Выпуск 5: сб. статей: В 3 ч. – Ч. 1 / науч. ред. А. Э. Еремеев, отв. ред. В. А. Евдокимов. – Омск: Изд-во НОУ ВПО ОмГА, 2010. – С. 191-199 (0,5 п.л.).

30. Тивьяева И.В. Лексико-семантические характеристики мнемического диалогического единства / И.В. Тивьяева // Вестник Тульского государственного университета. Сер. Актуальные проблемы лингвистики и лингводидактики. – Вып. 1. – 2010. – С. 87-96 (0,6 п.л.).

31. Тивьяева И.В. Лексическое выражение мнемических процессов в современном английском языке / И.В. Тивьяева // Актуальные вопросы филологии и методики преподавания иностранных языков: материалы второй международной научно-практической конференции: Электронная книга. – СПб.: Государственная полярная академия, 2010. – С. 204-212 (0,5 п.л.).

32. Тивьяева И.В. Мнемический текст как форма репрезентации процессов памяти / И.В. Тивьяева // Общественные науки. – №4. – 2010. – С. 63-70 (0,5 п.л.).

33. Тивьяева И.В. Репрезентация забывания в англоязычной межличностной коммуникации / И.В. Тивьяева // Язык и коммуникация в контексте культуры: материалы 5-й Международной научной конференции, 24 – 25 июня 2010 года / под ред. О.И. Пузыревой. – Рязань: Рязанский гос. ун-т им. С.А. Есенина, 2010. – С. 88-90 (0,2 п.л.).

34. Тивьяева И.В. Ретроспективный монолог в англоязычном художественном тексте: структурный и информационный аспекты / И.В. Тивьяева // Современная лингвистическая ситуация в международном пространстве: материалы международной научно-практической конференции. 11 – 12 марта 2010 г. – Том 1. – Тюмень: РИА «Омега-принт», 2010. – С. 276-280 (0,3 п.л.).

35. Тивьяева И.В. Вербальные реакции на напоминание в межличностной коммуникации / И.В. Тивьяева // Лингвориторика: теоретические и прикладные аспекты: материалы Всероссийской научной конференции, 19-20 ноября 2010 г. – Тула: ТулГУ, 2011. – С. 141-145 (0,3 п.л.).

36. Тивьяева И.В. Виды высказываний в мнемических ситуациях хранения и восстановления информации из памяти и их коммуникативные характеристики / И.В. Тивьяева // Вестник Тульского государственного университета. Сер. Актуальные проблемы лингвистики и лингводидактики. – Вып. 2. – 2011. – С. 53-61 (0,5 п.л.).

37. Тивьяева И.В. Монологическое высказывание как способ переживания прошлого / И.В. Тивьяева // Лингвориторика: теоретические и прикладные аспекты: материалы Всероссийской научной конференции, 19-20 ноября 2010 г. – Тула: ТулГУ, 2011. – С. 211-220 (0,6 п.л.).

38. Тивьяева И.В. Особенности лексической номинации процессов памяти в рамках англоязычной межличностной коммуникации / И.В. Тивьяева // Вестник Тульского государственного университета. Сер. Актуальные проблемы лингвистики и лингводидактики. – Вып. 2. – 2011. – С. 61-73 (0,6 п.л.).

39. Тивьяева И.В. Лингвопрагматический анализ высказываний, используемых в ситуации напоминания / И.В. Тивьяева // Актуальные проблемы лингвистики и лингводидактические аспекты профессиональной подготовки переводчиков: материалы научно-практической Интернет-конференции с международным участием, 16 апреля – 11 мая 2012 г. – Тула: ТулГУ, 2012. – С. 82-88 (0,4 п.л.).

40. Тивьяева И.В. Монолог-воспоминание в художественном дискурсе / И.В. Тивьяева // Актуальные проблемы лингвистики и лингводидактические аспекты профессиональной подготовки переводчиков: материалы научно-практической Интернет-конференции с международным участием, 16 апреля – 11 мая 2012 года. – Тула: ТулГУ, 2012. – С. 88-96 (0,6 п.л.).

41. Тивьяева И.В. Категория памяти как объект исследования в лингвистике / И.В. Тивьяева // Актуальные проблемы лингвистики и лингводидактические аспекты профессиональной подготовки переводчиков: материалы II Научно-практической

Интернет-конференции с международным участием, 11 марта – 5 апреля 2013 г. – Тула: Изд-во ТулГУ, 2013. – С. 125-134 (0,6 п.л.).

42. Тивьяева И.В. Развитие представлений о коммуникации в истории научных исследований / И.В. Тивьяева // Актуальные проблемы лингвистики и лингводидактические аспекты профессиональной подготовки переводчиков: материалы III научно-практической Интернет-конференции с международным участием. – Тула: Изд-во ТулГУ, 2014. – С. 149-154 (0,4 п.л.).

43. Тивьяева И.В. Исследования памяти в зарубежной лингвистике: подходы, модели, концепции / И.В. Тивьяева // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – Т. 14. – № 2. – 2016. – С. 21–33 (0,8 п.л.).

44. Тивьяева И.В. Нарратив как форма языковой фиксации и трансляции памяти / И.В. Тивьяева // Актуальные проблемы германистики и методики преподавания иностранных языков: сб. науч. трудов по материалам VI Международной научно-практической конференции, 2 ноября 2016 г. Мордовский государственный педагогический институт. – Саранск, 2016. – С. 245-252 (0,5 п.л.).

45. Тивьяева И.В. Особенности репрезентации воспоминаний персонажей в англоязычной прозе / И.В. Тивьяева // Язык в различных сферах коммуникации: материалы II Международной научной конференции. – Чита: Забайкальский госуниверситет, 2016. – С. 218-220 (0,2 п.л.).

46. Тивьяева И.В. Нарративизация памяти как результат «лингвистического поворота» гуманитарных наук / И.В. Тивьяева // Збірник статей та тез доповідей за матеріалами IV Всеукраїнської науково-практичної конференції з міжнародною участю «Розвиток основних напрямів соціогуманітарних наук: проблеми та перспективи» (м. Кам'янське, 6 - 7 квітня 2017 року) / відп. за випуск, професор К. Ю. Богомаз. – Кам'янське: ДДТУ, 2017. – С. 139-140 (0,1 п.л.).

47. Тивьяева И.В. Жанровые формы репрезентации воспоминаний в устном дискурсе / И.В. Тивьяева // Интеграция теории, методологии и практики в современных науках и образовании: материалы итоговой международной научно-практической конференции за 2017 г. Армавир, 28 февраля 2018 г. – Армавир: Армавирский лингвистический социальный институт, 2018. – С. 162-167 (0,4 п.л.).